

СОБРАНИЕ КУЛЬТОВОЙ МИСТИКИ

СЕРГЕЙ ДУБЯНСКИЙ

ПЛАЦЕБО



Сергей Дубянский

Плацебо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24257806

ISBN 9785448524769

Аннотация

В сборник вошли лучшие произведения 2014—2016 годов, где мистика присутствует не в качестве некой внешней силы, неизвестного происхождения, а является, скорее, производной, либо от деятельности человеческой психики («Плацебо», «Петля», «Эффект Юли»), либо от извращённого, больного сознания («Живущие в нас»).

Содержание

Плацебо	5
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Плацебо

Сергей Дубянский

Дизайнер обложки Игорь Владимирович Петропавловский

© Сергей Дубянский, 2017

© Игорь Владимирович Петропавловский, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-2476-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Плацебо

Никита остановился на площадке рядом с заправкой, но выходить из машины не спешил, потому что никогда душа у него не лежала к сумасшедшим авантюрам. Ему нравилось барахтаться в рутине отлаженного бизнеса, и то, что рассказал по телефону Димка, сначала его потрясло, потом испугало, а предложение помочь, привело в полную растерянность. Пока он молчал, осмысливая ситуацию, Димка успел сказать: «– Спасибо. Ты, настоящий друг!», и отказываться стало просто неприлично.

«Пушка», пару лет назад узаконенная не без помощи того же Димки, оттягивала карман ветровки, надетой специально, чтоб скрыть оружие, но уверенности это не добавляло, ведь заниматься освобождением заложников, по любому, дело ОМОНА, а не двух коммерсантов – в прошлом, одного выпускника Бауманки, а другого, Медицинской академии. Тем не менее, Никита подумал, что раз уж приехал, то не за тем, чтоб часок посидеть в машине, послушать музыку и вернуться в Москву. Вздохнув, он открыл дверь. Мир сразу наполнился, пересвистом птиц, шелестом шин и жужжанием бензоколонок.

...И нет никакой гарантии, что сейчас мы не получим по пуле – как же обидно будет покидать этот мир!.. Однако Никита все-таки вышел к трассе, где через пару минут по-

явился знакомый «Мерседес», который лишь притормозил, чтоб он успел забраться на заднее сиденье.

– Привет, – Дима протянул руку, – спасибо, что согласился. В принципе, я ничего не боюсь, но вдвоём как-то веселее.

– Я тебе поражаюсь, – Никита сокрушённо покачал головой, – сходу перевёл деньги, не сообщил ни в милицию, ни куда; как ты можешь им верить? А если нас перестреляют, как цыплят?

– Я по жизни никому не верю, но всегда анализирую факты.

«Мерседес» плавно скатился на лесную дорогу, и Никита отвернулся, разглядывая деревья, через тонированное стекло, делавшее мир излишне мрачным.

– Все будет хорошо, – Дима похлопал его по плечу.

– Ты, блин, спокойный, как трактор! Это ж бандиты, у которых находится твоя дочь! Не понимаю!..

– Никит, да, это бандиты, но, судя по их действиям, люди они вполне адекватные, а с адекватными людьми проблемы решаются без глупостей. Ты ж хоть бывший, но врач, и должен чуть-чуть разбираться в психологии. Вот, смотри: прежде, чем похитить Алину, они наверняка «пробили» меня, и не только по бабкам, но и как человека. То есть, они должны понимать, что мне насрать, посадят их или нет – я человек безнравственный, иначе б никогда не стал богатым. Мне главное вернуть дочь, а не свершить справедливый суд.

– Но милиции-то сподручнее это делать – это их работа.

– Нет, вот их работа, как раз, вершить суд и отчитываться за поимку преступников, а на Алину им, по большому счету, плевать. Освободят – хорошо, погибнет в ходе операции – ну, так получилось; им важно взять бандитов и закрыть дело.

– Дим, не все ж такие...

– А я что, проверять буду, какие они? Времени нет на это. Ведь почему люди к ним обращаются? Не потому, что так уж жаждут справедливости, а потому что их ставят в безвыходное положение. Если б с меня, например, потребовали в течение суток десять «лимонов» баксов, которые я, в принципе, соберу, но за месяц, то я б тоже побежал к ментам – а куда деваться? Но они попросили всего десять штук – разумная сумма, которую я могу организовать без напряжения. То есть, они умные люди, и хотят не журавля в небе с риском для своей свободы, а реальную «синицу», но чтоб тихо и мирно. Сейчас они уже получили бабки, и какой им смысл портить «товар»? Их вообще там не будет – чего рожи свои светить? Логично?

– Логично с точки зрения нормальных людей, а они ж преступники! Они на все способны!

– А мы с тобой не преступники, если покопаться и в твоём, и в моем бизнесе с позиций всяких кодексов? Не надо клеить ярлыки, потому что потенциально каждый человек – преступник; смотря в какие условия его загнать. Кстати, пробив мои связи, они должны догадываться, что, если с Алиной что-то случится, я подниму не только ментов, но и кое-

кого покруче. Тогда они и выкуп потратить не успеют, как их уже кончат.

– Все-таки ты безбашенный, – Никита вздохнул.

– А только безбашенные чего-то добиваются в жизни. Тех, кто отсиживается в окопах, в конце концов, тупо отстреливают...

– Вижу дом, – объявил водитель, и дискуссия прекратилась.

Среди деревьев, действительно, возникла бревенчатая избушка, построенная, либо охотниками, либо браконьерами.

– Не ссы – все будет так, как я сказал. Но, на всякий случай... – достав пистолет, Дима снял его с предохранителя.

Из-за кустов, «Мерседес» не мог подъехать к самой избушке, поэтому остановился посреди пустой дороги, дальше терявшейся в лесу. Дима открыл дверь и прислушался – к стуку дятла добавлялось, то ли мычание, то ли всхлипывание, доносившееся из избушки.

– Пошли, – он выпрыгнул из машины.

Никита тоже достал «пушку». Сомнения, до того размышлявшие его уверенность в Димкиной правоте, сразу исчезли, ведь когда ввязался во что-то, заниматься анализом не только бесполезно, но и вредно.

Дверь оказалась не заперта. Дима вошёл первым и сразу устремился на голос, а Никита, держа пистолет наготове, сначала осмотрел две другие комнаты, и не обнаружив ничего подозрительного, пошёл вслед за другом.

В третьей комнате, к кровати была привязана девушка; через рот ей пропустили платок, затянутый на затылке, что и делало звуки такими странными. Больше в комнате никого не было, и Дима убрал оружие.

– Алиночка! Папа пришёл за тобой! – он первым делом развязал платок, – как ты, дочка?

Девушка облизала пересохшие губы и заплакала.

– Папочка, любимый... я так испугалась...

– Успокойся... всё позади... всё хорошо, милая... – он принялся резать верёвки валявшимся тут же ножом. Руки Алины, освобождённые первыми, обхватили шею отца.

– Папочка, я знала, что ты меня не бросишь...

– Конечно, нет! – Дима засмеялся, – сейчас поедem домой. Кстати, маме ничего не рассказывай – ты эти две ночи была у Катки на даче, поняла? А то я ей не говорил, иначе с её-то сердцем – это инфаркт сто процентов.

Решив, что в доме всё спокойно, Никита вышел на порог, но и снаружи было тихо; к тому же водитель, успевший развернуться, жестом показал, что тоже никого не видел.

– Поехали! – крикнул Никита, – засады нет!

Отец с дочерью, инстинктивно пригибаясь, добежали до машины, и через минуту «Мерседес» беспрепятственно отъехал от избушки. ...*Действительно, как-то всё очень просто – даже не интересно*, – подумал Никита, – *хотя оно и к лучшему...*

Алина принялась рассказывать, как её похитили из ноч-

ного клуба, видимо, подсыпав в вино снотворное, потому что она не помнила, как оказалась в какой-то квартире. Там её не обижали – наоборот, кормили, поили, давали смотреть телевизор, а сегодня утром надели на глаза повязку, привезли в избушку, связали и ушли, пообещав, что скоро её освободят.

– И кто из нас лучший психолог? – Дима хитро посмотрел на Никиту, – так-то, брат. Я только одного боюсь – раз всё прошло так гладко, как бы они не захотели сделать из меня дойную корову. Будут тебя, Алин, раз в неделю похищать, а я буду только успевать бабки им слюнить.

– Папуль... – девушка прижалась к отцу.

– Поэтому, Алин, придётся тебе на время уехать; в принципе, куда хочешь...

– Прямо, куда хочу?!

– Ну, естественно, не к папуасам, а так, чтоб могла учиться.

– В Испанию, например?

– Да без проблем! Квартира в Барселоне у нас есть; заодно испанский подучишь.

– Папуль, ты у меня самый классный! Я тебя так люблю!..

– Алин, – Никита прервал её радостный щебет, – тебе очень страшно было?

– Очень, – голос девушки стал серьёзным, – но, дядя Ник, мой папа ж за меня жизнь отдаст... и я за него тоже.

– Молодцы вы, – Никита вздохнул, потому что у него

не было ни жены, ни такой преданной дочери. ... *Зато у меня похищать некого; никого не надо спасать, платить выкупы, а можно жить в своё удовольствие – это тоже большой плюс...*

«Мерседес», тем временем, выбрался обратно на трассу, и скоро Никита увидел свой джип.

– Ну, давайте, – он пожал руку сначала счастливой дочери, потом счастливому отцу, – с успешным завершением миссии.

– Слушай, – Дима удержал его, – давай в субботу на шашлычки съездим, отметим это дело, а?

– Не получится, – Никита покачал головой, – завтра еду на «историческую родину» – продавать старую родительскую дачу. Я там лет семь не был и ещё сто не буду. Чего она висит на мне? А тут, вроде, покупатель нашёлся.

– Значит, вернёшься, тогда и соберёмся.

– До свидания, дядя Ник, – успела вставить Алина прежде, чем Никита вылез из машины и направился к джипу.

*

Лена лежала на диване, одной рукой подперев голову. В другой она держала яблоко, которое периодически подносила ко рту и при этом рассматривала картинку в учебнике истории – на изучение текста её сознание уже не было

способно. ...*На фиг, мне знать, что у них там творилось сто лет назад? Всё равно все давно умерли... Только они-то умерли, а мне завтра эту хрень сдавать... зато потом каникулы!..*

Положив огрызок на пол, к уже лежавшим там двум, Лена перевернула страницу, и в это время весело запел мобильник. Телефон лежал на столе; она радостно вскочила.

– Привет, – озвучивая фотку на дисплее, раздался в трубке голос Вики, – чего делаешь?

– Угадай с трёх раз, – Лена даже удивилась не прозорливости лучше подруги, – тебе-то хорошо – пятёрку «автоматом» хапнула, а я, блин, читаю про Февральскую революцию. Чего, вот, козлам, не хватало? Жили классно...

– Бросай ты это грязное дело, – Вика засмеялась, – ещё по поводу истории париться! Татьяна ж никого не валит.

– Мне ж не меньше четвёрки надо. У нас с матерью соглашение, иначе срежет «пенсию», и на что я тусить буду?

– Не, если так, учи, конечно. А я в клуб собираюсь, – Вика красноречиво замолчала.

– Да?.. – Лена глянула на учебник с ненавистью, и чем дольше смотрела, тем отчётливее понимала, что никакие знания в неё больше не влезут, – блин, отец выступать начнёт, – нашла она вторую причину, так как с первой – что надо учить, учить и учить, всё было уже ясно.

– Лен, да я ж просто. Ты учи, если надо – это правильно.

– Да не хочу я учить!.. А, ладно! Встречаемся через час.

Где встречаться, объяснять не требовалось, так как по устоявшейся традиции, когда водились деньги, до клуба они сидели в японском ресторанчике, вкушая свои любимые ролы, а когда деньги подходили к концу, перебазировались в небольшое кафе, где банка коктейля «Ягуар» стоила ровно в три раза дешевле, чем в самом клубе. Сейчас у обеих деньги были на исходе, поэтому о вариантах речь не шла.

Понимание того, что сегодня уже не придётся разбираться ни в перипетиях смены царских фамилий, ни в предпосылках революционной ситуации, сразу подняло настроение. Лена быстро довела макияж до нужного уровня, надела короткую юбку с топиком, и вышла в коридор, но тут из кабинета выглянул отец.

– Куда это ты собралась?

– В «Отвёртку», с Викой.

– Лен, ты совсем обалдела? – он настолько растерялся, что даже гнева в голосе как-то не слышалось, – у тебя завтра экзамен. Какая «Отвёртка»? Если всё знаешь, ложись пораньше спать, чтоб завтра быть в форме...

– Пап, я всегда в форме, – Лена пошла дальше.

– А ну, вернись! Я запрещаю! – голос отца обрёл твёрдость, но Лена-то знала, что на этой грозной ноте всё воспитание и закончится, поэтому издевательски кивнула.

– Уж, конечно! Всё, пап, чао. Итак целый день учила – можно ж хоть чуть-чуть отдохнуть?

Видимо, последний довод все-таки произвёл впечатле-

ние, потому что отец, хоть и скептически покачал головой, но сказал:

– Ладно, отдыхай. Но чтоб не позже двенадцати...

– Да сдам я твой экзамен, не парься, – перебила Лена, прекрасно зная, что к двенадцати, точно, не вернётся.

– Ох, выдеру я тебя когда-нибудь! – правда, кому адресовалась эта угроза, неизвестно, поскольку дверь за Леной уже закрылась.

Отец заглянул в комнату, словно надеясь, что ушёл некий фантом, а дочь тихонько сидит и грызёт гранит науки, но увидел диван со сбитым в комок покрывалом, валявшийся на нём учебник и огрызки на полу.

– Нет, Марина приедет, будем что-то решать. А то у неё бизнес; у меня, тоже работа, и в итоге дочь воспитывает какая-то Вика.

Лена, тем временем, садилась в маршрутку, мысленно уже окунувшись в атмосферу предстоящего праздника. Хотя, по большому счету, праздник-то предстоял самый обычный, ведь в «Отвёртке» они зависали почти каждый день. Конечно, в этом была определённая прелесть, так как все их знали, от охранников до диджеев, но настоящий-то праздник – это когда «Ах!..» и сплошной фейерверк впечатлений. Такого у Лены пока не случалось; правда, и девятнадцать лет – не слишком много, чтоб огорчаться по этому поводу.

Вика жила в десяти минутах ходьбы от кафе, поэтому давно сидела за столиком, когда Лена плюхнулась в белое пла-

стиковое кресло и первым делом достала сигареты. Курить она начала ещё в школе, старательно маскируя мятной жвачкой каждое «маленькое преступление». Сейчас, став взрослой, она бросила глупую конспирацию, но и открыто не курила, чтоб не нарушить баланс сложившихся в семье отношений. Зато, когда родители два года назад купили новую квартиру, она выторговала себе комнату с балконом, куда можно выскакать, не оставляя в помещении предательский запах дыма.

– Блин, отец весь день дома торчал – и не покуришь спокойно, – она с удовольствием затянулась, – по «Ягуару»?

То, о чём они говорили дальше не поддавалось конкретизации – наверное, это называлось «за жизнь», а жизнь такая штука, что хоть, с одной стороны, она скучная и однообразная, но, с другой, в ней вечно происходит столько всего, подлежащего обсуждению, что два часа – даже и не срок! За разговором по два «Ягуара» улетели незаметно, и к десяти, когда клуб начинал работать и девушек запускали бесплатно, они смешались с толпой таких же экономных любительниц веселья.

На фейс-контроле стоял Глеб, «добрый ангел» Лены, охранявший её в любых ситуациях и в любом состоянии. Наверняка парень мечтал получить благодарность за свои труды, но Лене он не настолько нравился, чтоб с ним спать. Зато его присутствие придавало уверенности, и оглядывая медленно заполнявшийся зал, Лена предложила:

– Ну что, ещё по «Ягуару»?

– Платишь ты, богатенький Буратино, – засмеялась Вика.

Вообще, в финансах они старались поддерживать паритет, но, поскольку Лена чаще выступала инициатором «братания с ягуаром», то и платить ей приходилось чаще – благо «пенсия», установленная матерью, позволяло это делать.

«Ягуары» были уже третьими, и с учётом того, что Ленин обед состоял из яблок, а ужин остался в холодильнике, она почувствовала, как всё вокруг начинает плыть; зато стало так весело! Правда, веселье это почему-то вспыхивало отдельными фрагментами. Например, ниоткуда возникли безмянные пацаны, соблазнившие её четвертым «Ягуаром»; потом они куда-то пропали, но появилось «Мартини», и Лена с удовольствием вливала в себя благородный напиток.

В результате, несмотря на активную танцевальную программу, к середине праздника она здорово запьянела; события путались, наползая друг на друга, зато весело было безумно.

Следующим осмысленным фрагментом стала улица, куда её вывели Глеб с Викторией и ещё кто-то; потом подъехала машина, в которую она села, а, вот, дальше...

Лёжа на животе, Лена хотела повернуться на бок, и не смогла. ...*Что за хрень?..* – она испуганно открыла глаза. В комнате было совсем светло, но волосы мешали осмотреться, а убрать их с лица не получилось – руки были ка-

ким-то образом зафиксированы. Мотнула головой и почувствовала боль в затылке. ...*Надо было на коктейлях остановиться; вот, откуда взялся «Мартини» – ума не дам...*

Дунув на волосы, она увидела, что, оказывается, руки её привязаны к грядущке совершенно незнакомой кровати; но она не видела, но, похоже, с ними проделали то же самое.

...*Блин, где я?!..* В поле зрения находилась лишь часть комнаты с блёклыми голубыми обоями, которые Лена, совершенно точно, раньше никогда не видела. Её резко встрепенувшееся сознание заполнил ужас – да, она любила приключения, но не до такой же степени!.. Попыталась восстановить прошедший вечер с того момента, как они с Викой пришли в клуб, и до того, как садилась в машину, однако подробностей в памяти не осталось, и перескочив из смутного вчера в ясное, но совершенно непонятное сегодня, Лена сообразила: ...*У меня ж экзамен! А я лежу, как дура, неизвестно где!.. Сколько сейчас времени?.. Ага, а как посмотреть?..* Прислушалась, но вокруг было тихо. ...*Надо срочно выбираться, иначе – труба! Светло-то уже как!..*

Лена принялась дёргать руками и ногами, но освободиться не получалось – только верёвка больно врезалась в кожу, и противно скрипела раскачивавшаяся кровать. ...*Может, меня похитили? Но кто и зачем? Выкуп с предков требовать? Вряд ли – мать хоть и «стрижёт» со своего магазина, но не миллионы же; отец, вообще, не фигура – корреспондент сраной газетёнки... если только накропал не так или*

не про то?.. А если это маньяк?.. Или продадут меня в сексуальное рабство?.. Ой, мамочки!.. Все внутри сжалось, и Лена запоздало замерла, стараясь не привлекать внимания. ... Блин, ничего не помню – как я сюда попала?.. Четыре «Ягуара» – до фига!.. С кем же я пила «Мартини»? Вот, убей, не помню! Дура, надо ж так нажраться!.. Ладно, что было, то прошло, а сейчас-то что делать?.. Интересно, отец в милицию заявил или нет? Вряд ли – вроде, я первый раз исчезаю на сутки... догулялась, блин!.. А где мой телефон? Хотя какая разница, если руки связаны?.. Лучше б, правда, как отец говорил, осталась дома и учила историю... Как всё хреново-то!.. Лена заплакала. Плач был явственно слышен в тишине и притворяться спящей не имело смысла.

– Эй... – тихонько позвала она, – есть тут кто-нибудь?

Но никто не отозвался. С одной стороны, молчание давало надежду, что в ближайшее время ничего ужасного не случится, но, с другой ... *я уже писать хочу... а в конце умру от голода и жажды! И найдут через год мушю... – она заплакала громче, – хоть бы воды кто дал – такой, блин, сушняк!.. Нет, но не за тем же меня похитили, чтоб я тут умерла? Я ж никому ничего плохого не сделала – ну да, люблю пошурить мозги пацанам, но я даже спала-то только с Артёмом и... и ещё с кем-то... Имя «кого-то» в памяти стёрлось – просто мальчик был симпатичным, и «Ягуара» купил целую упаковку, и была у него свободная хата... Вспоминать этот эпизод Лена не любила, но сейчас стало вспоминаться всё*

подряд из недолгой, но, как считала она сама, яркой жизни.

...Кстати, может, это Артём решил отомстить, что я его бросила? Блин, пусть только развяжет – всю морду расцарапаю!.. А, может, это Викины шутки? Увидела, как я набухалась, и подговорила кого-нибудь приколоться... нет, Вика не могла – она ж знает, что у меня экзамен. К тому же завтра заканчивается сессия – даже пересдать, если что, некогда!.. А, вообще, похоже на прикол, ведь если б похитил маньяк или «работорговцы», наверняка б уже трахнули, или пьяную, или сегодня утром, но ничего ж не было, да и одетая я... Точняк, чья-то шутка, – Лене не хотелось думать о более страшном завершении, в принципе, приятного вечера, – значит, Артём – больше никому. Ну, сука, я ему устрою!.. Хоть бы водички оставил, садист, да и сигаретку б...

Возмущённая бывшим бойфрендом, Лена вновь задёргалась, раскачивая кровать. *...Нет, но просто бросить меня он не мог – сидит, небось, в другой комнате и тихо уссывается...*

– Помогите!! – крикнула Лена, – меня похитили! Кто-нибудь! Сообщите в милицию!!

Она прислушалась, но вокруг по-прежнему было тихо.

...Интересно, соседи тут социально активные граждане или им всё по барабану?.. Она снова принялась кричать, но, поскольку результатов это не приносило, минут через десять замолчала. *...Вот, идиотская ситуация! А наши экза-*

мен сдают!.. В сердцах Лена сильно дёрнула рукой, и верёвка больно впилась в запястье. ...*Блин, когда ж меня отпустят, в конце-то концов? Ну, пошутили и хватит – всё, я оценила юмор!*.. Но признание это было обращено в никуда.

– Какой же ты, Артём, козел, – она громко шмыгнула носом, – ну, расстались, и что? Все расстанутся – что я тебе, жена?.. Да если б и жена... тем более, не слишком ты меня и любил – мне ж рассказывали, как ты к Аньке клеился, когда мы первый раз поругались. Я всё знаю, слышишь? Отпусти меня немедленно!

Однако никто не ответил, и Лена вздохнула.

...*Значит, буду тупо лежать. А что ещё остаётся?* – она закрыла глаза, – *блин, все-таки родителей иногда надо слушать – полистала б вчера билеты; сейчас бы тихо—мирно сдала экзамен, а завтра, каникулы. Куролесь, не хочу! Дура... Но и отец хорош! Другой бы запер дверь, и куда б я с шестого этажа делаешь? Попсиховала б и села учить, как миленькая, а он: – Чтоб не позже двенадцати!.. Допрыгалась!.. Хорошо, конечно, если это Артём, а если нет? – Лена испуганно вперилась в голую стену, – с кем же я бухала чёртов «Мартины»? Он ведь меня и срубил... А, может, это пацаны, которые угощали «Ягуаром»? Никуда они не свалили, а караулили, пока я выйду и... блин, как же я уезжала? Помню тачку, но такси это было или нет?.. Идиотка, нажралась, как в последний раз!.. Нет, но я ж не всегда так – обычно-то я просто весёлая и всё помню. В конце концов, я,*

взрослая! Почему мне нельзя выпить пару коктейлей? Это только сегодня как-то хреново получилось... Если до вечера никто ни появится, ох, что дома будет! На двое суток я ещё не пропадала... а тут же мать придет. А ведь расскажешь правду, никто не поверит... Стоп! Я уже думаю, что сбрехать дома, а надо ж сначала отсюда выбраться...

– ...Елена, ты на экзамен собираешься?

Лена вскочила, не поняв, куда вдруг делась кровать с верёвками, и как она оказалась в своей постели, да ещё рядом стоял хмурый отец. Переход из одного состояния в другое получился настолько резким, что Лена несколько секунд оглядывала комнату, себя, одетую во вчерашние юбку с топиком, и наконец облегчённо вздохнула.

– Или ты учиться бросила? Только пьёшь и гуляешь.

– Ты чего, пап? Я бегу! – Лена кинулась в ванную.

– Ты хоть помнишь, когда вчера явилась и в каком виде? – крикнул вслед отец, – чтоб вечером была дома! Будем разбираться с твоим поведением!

– Ага, разбежался, – ответила Лена, но так, чтоб отец не слышал. ...*Блин, правда, надо у Вики хоть узнать, когда мы разошлись... Стоп, то есть, получается, история с похищением – сон? О, не думала, что бывают такие натуральные сны!..*

Быстро приняв душ, Лена схватила полотенце и только тут заметила на запястьях бледные следы, которые при определённой доле фантазии вполне могли сойти за следы от ве-

рёвки.

...Ни хрена себе! – обалдевшая, она уставилась в зеркало, но больше никаких изменений не обнаружила. Ситуация выглядела совершенно невероятной, однако ломать над ней голову было некогда – экзамен-то начался почти два часа назад, а Татьяна всегда принимала быстро.

Отец её больше не отвлекал, поэтому Лена в пять минут проглотила йогурт; пока красилась, попыталась последний раз охватить всю длинную историю России, но пришла к выводу, что делать это надо было вчера. Сунула в сумку конспекты; проверила зачётку, телефон, ключи, деньги, сигареты, зажигалку.

– Па, я унеслась!

– Не вздумай и сегодня загулять! Слышишь?

– Слышу! Не глухая!

...Конечно, если сдам, буду я тут сидеть, слушать твоё нытьё... Лена хлопнула дверью и не дожидаясь лифта, сбегала вниз пешком.

Маршрутка подъехала практически сразу, и всё равно Лена опоздала. Возле аудитории, уже никого не было, а внутри лишь исписанные листки на преподавательском столе напоминали о недавнем экзамене. *...Отец – козёл! Чем выступить, лучше б разбудил пораньше!.. Может, Татьяна ещё не ушла?..*

Обычно на кафедру студенты заходили предварительно

постучав и выдержав после этого дипломатичную паузу, но сейчас было не до формальностей; Лена сходу распахнула дверь.

– О, явление третье – те же, и Коноплёва! – Татьяна, сидевшая за столом, опустила очки к кончику носа.

Ещё в комнате находился ассистент Трифонов, ведущий практику. Он тоже удивлённо уставился на неожиданную гостью.

– Извините, – пробормотала Лена краснея, и опустила глаза, – Татьяна Викторовна, проспала. Полночи учила, а телефон разрядился, родители ушли на работу... – на этом её фантазия иссякла, – примите, пожалуйста, Татьяна Викторовна.

– Ну что, Коль? – Татьяна повернулась к Трифонову, – примем или пусть с «хвостом» ходит для профилактики?

– Не надо с «хвостом», пожалуйста...

– Я не с тобой разговариваю, Коноплёва!

Лена прикусила губу, изучая свой педикюр. Как она не любила что-то выпрашивать, но деваться было некуда – лучше пять минут унижения, чем лишиться от матери «пенсии», да и не дай бог, ещё в сентябре зубрить эту никому не нужную историю.

– На семинарах-то она хоть работала?

– Вроде, работала, – Трифонов, вообще, был не вредным мужиком, – пропусков, насколько я помню, нет.

– Коноплёва, тройки хватит или будешь отвечать, что ты

там за ночь научила?

Конечно, тройки Лене было мало, но в сложившейся ситуации выбрать не приходилось.

– Хватит, Татьяна Викторовна, – вздохнув, Лена подала зачётку, – я, правда, учила...

– Будет врать-то! – найдя нужную страницу, Татьяна взяла ручку, – а то не знаю, где ты «учишь» – в «Отвёртке» ведь? Признайся честно.

...Блин, а если она вчера видела, какой я была?.. Да нет, она в такие места не ходит – это кто-то настучал...

– Не слышу, – Татьяна занесла ручку над зачёткой и ждала, ехидно улыбаясь.

– Да... – еле слышно выдавила Лена.

– А зачем врёшь?

– Не знаю...

– Видишь, Коль, врут и даже не знают, с какой целью – во, молодёжь растёт! – она посмотрела на Трифонова, но тот лишь беспомощно развёл руками, – ладно, – Татьяна опустила ручку, – девочка ты, вроде, неглупая; тем более, не стала строить из себя, а честно созналась – так и быть, не буду портить тебе картину единственной тройкой. Слава богу, в следующем семестре истории у вас уже не будет, – расписавшись, она протянула зачётку, – так что иди, гуляй дальше.

– Спасибо, Татьяна Викторовна!

Не веря своему счастью, Лена выскочила с кафедры; сделав пару шагов, открыла зачётку – нет, Татьяна не пошутит-

ла! Синим по белому там было написано «хор» и стояла подпись! От переизбытка чувств Лена даже поцеловала заветную страничку.

...О, сегодня гульнём! И пусть только отец вякнет! Ткну ему четвёрку – пусть радуется!..

Выйдя на крыльцо, она достала телефон.

– Вик, прикинь, сдала! Уже на кафедре – один на один!.. Ни фиги – «хор»! Ты сейчас где?.. В городе? Так давай пересечёмся. Слушай, я ж вообще не помню, чем вчера всё закончилось – хоть расскажешь!.. Ой, а я чего тебе расскажу!

Пока Лена ехала к их кафешке, радость от успешного окончания сессии сделалась обыденной (собственно, это ведь не первая и не последняя сессия), и мысли сами собой вернулись к странному сну. Теперь голова была абсолютно свободна для построения самых фантастических вариантов, но варианты не строились – так всё было загадочно и необъяснимо; а, может, это ещё ощущались последствия вчерашнего «отдыха», поэтому первым делом купив банку «Ягуара», Лена устроилась за столиком, под старым корявым тополем. Посмотрела на запястья – полоски прошли без следа, и она даже подумала: *...А, может, ничего и не было? Просто сон такой реальный, что меня заглочило... нет, Вике всё равно расскажу – интересно, что она скажет...* Лена закурила и маленькими глотками прихлёбывая коктейль, принялась разглядывать двигавшуюся мимо публику. *...Всё-таки какой сегодня классный день!..*

Вику она увидела издали, когда та, лавируя среди медленно ползших машин, перебежала улицу. ...*Блин, какие ж клёвые у неё босоножки!*.. – Лена каждый раз обращала на них внимание, и немного завидовала, – *фигня, две пятёрки и две четвёрки. За такую сессию мать должна отвалить по полной программе – куплю тогда что-нибудь подобное...*

– Привет! – выдвинув стул, Вика уселась напротив, – бегаю, вот, загранпаспорт оформляю.

– Ух, ты! – Лена вытаращила глаза.

– Да, я – молодец, – Вика погладила себя по голове, – за хорошую учёбу предки решили отправить меня в Египет, на две недели. Одну, прикинь!

– Класс!.. – Лена мечтательно вздохнула, – а меня одну, точно, никогда не пустят. Я на зимних каникулах просилась, так мои сказали – ты здесь вести себя не можешь, а то ещё за бугром будешь позориться. Почему, вот, сразу позориться?

– Ну, вчера ты реально надралась, – Вика усмехнулась.

– С этого места поподробнее, – Лена сделала глоток.

– А ты чего, не помнишь?.. Ну, даёшь! – покачала головой Вика, – хотя ты уже была-то хорошая, а тут, блин, с мужиком ещё вылакала полпузыря «Мартини»...

– С каким мужиком?

– А я знаю? Представился Ником; симпотный, лет тридцать пять. Всё рвался соку тебе добавить, но ты – нет, я чистый...

– Выпендрилась, блин, идиотка, – Лена вздохнула.

– Я пыталась остановить, но ты меня послала.

– Я? Тебя?.. Это, точно, крайняя стадия. А дальше что?

– Дальше ты стала корячиться, лезла на стойку – типа, стриптиз устраивать...

– Блин!.. – Лена стыдливо прикусила нижнюю губу, – во, дура! Слушай, может, предки правы, что нельзя меня одну за бугор выпускать? – обе расхохотались, понимая, что это лишь шутка, – меня хоть из клуба не выгнали?

– Да нет. Глеб, взял тебя за шкурку, усадил на место...

– И то, слава богу, – Лена звучно вытянула из банки последние капли, – а дальше?

– Дальше Ник рассказывал, что у его друга в клубе похитили дочку (тоже, видать, по пьяни), и как они её спасли. Ты, блин, всё его пытала – что да как; задолбала мужика, короче. Ну и тут вы стали бухать за счастливое избавление дочки; потом Глеб вызвал тачку. Ник дёрнулся провожать тебя, но я его не пустила, а то, думаю, завезёт куда-нибудь, трахнет и выкинет – ты ж, вообще, уже никакая была. На всякий случай, я и номер тачки записала – таксисты, они тоже разные бывают.

– Вик, ты настоящая подруга! – поразилась Лена – ей самой, точно, не пришли б в голову такие меры предосторожности, – блин, я тебя люблю! Слушай, а во сколько меня отравили?

– Где-то около двух... может, в полтретьего, а что?

– А то. Теперь меня послушай.

Лена оглянулась на призывно пестревшую банками и бутылками стойку, но под впечатлением от рассказа, решила не злоупотреблять, чтоб не повторилась вчерашняя история – вечером ведь они наверняка ещё пойдут в «Отвёртку», отмечать её последний экзамен.

– Короче, – она придвинулась ближе к подруге, – просыпаюсь я связанная, на кровати, в незнакомой комнате...

– Да ты что! – глаза у Вики округлились.

– Ты слушай, – Лена засмеялась, и поняв, что все закончилось хорошо, Вика успокоилась, – привязана так, что не дернёшься, но одетая, и никто меня ни, вон, чего. В комнате пусто. Я и орала, и на помощь звала – реакция, ноль. А потом вдруг будит меня отец – ты, говорит, на экзамен идёшь? Смотрю, я дома, у себя в койке...

– То есть, это был сон? – догадалась Вика.

– Типа, да. Но когда пошла в душ, смотрю, след от верёвки.

– Ни фиги себе!

– Вот, и ни фиги, – Лена закурила, – до сих пор не пойму, что это было. Если вы меня отправили в два; отец разбудил в десять... блин, у него ж не спросишь, когда я пришла – сразу вонь начнётся, типа, нажралась до беспамятства, а он и так злой на меня. Так-то можно было б прикинуть, было у меня время где-то валяться связанной или нет.

– А если у матери спросить? Как-нибудь так, по-тихому.

– А её нету – за товаром свалила и вернётся послезавтра.

– Вообще-то, прикольно, – Вика придвинулась ближе, – я тут недавно по телеку передачу смотрела про сны... – но до конца поделиться «научной» информацией ей не удалось.

– ...Привет, девчонки!

Обе разом повернулись.

– Ой, привет! – воскликнула Вика, а Лена с удивлением уставилась на парня, которого никогда раньше не видела.

– Город у вас маленький и тесный, – парень придвинул стул и сел, – как ты вчера? Доехала нормально? – он обращался к Лене, и та растерялась.

– Нормально...

– Лен! – Вика уставилась на подругу, – у тебя что, реально провалы в памяти? Это Ник! Вы ж с ним «Мартини» бухали!

– Что, правда? – Лена придирчиво оглядела парня, но в памяти ничего не шевельнулось.

– Ох, ты вчера чудна была! – Ник засмеялся, – дома-то не сильно влетело, что явилась в таком виде?

– Да нет... – Лена никак не могла прийти в себя – таких странных вещей с ней ещё не происходило.

– Ох, либеральные у тебя родители, – заключил Ник, – я б, точно, ремня тебе дал!

– Я давно взрослая, – Лена обиженно поджала губы; она терпеть не могла, когда её считали маленькой, – и никто мне не указ...

– Слушайте, взрослые девушки, – перебил Ник, посчитав тему исчерпанной, – а поехали сегодня на шашлыки! Я тут дачу свою старую продаю. Вот, решили дать там последнюю гастроль. Будут два моих старых друга и с одним из них подруга; ну и вас приглашаю. Мясо за квашено, виски закуплено. В половине пятого я забираю Ромыча; часов в пять могу заехать за вами; Фил с Катькой сами доберутся. Я там с ночёвкой, а остальным «мотор» потом вызовем; расходы я оплачу. Вы не бойтесь – ребята все адекватные.

– Мы и не боимся. Только лично у меня не получится, – Вика вздохнула, – надо загранпаспорт забрать, а потом домой – родители просили дела кое-какие поделать.

– А ты как? – Ник повернулся к Лене.

...Блин, значит, и в клуб она не пойдёт, а без неё там скучно, – разочарованно подумала Лена, – и что? В честь окончания сессии сидеть дома и слушать бляньё отца? Во, будет праздничек!.. Но пить буду чуть-чуть, а то незнакомая компания...

– Я запросто, – наконец решила она, – но переодеться надо.

– Хочешь, я тебя сейчас домой докину, а в пять заберу?

– Ладно, вы тут решайте, а я побежала, – Вика поднялась, – Ленка, только смотри, веди себя прилично.

...Блин, ещё одна воспитательница нашлась – отца с матерью мне мало!.. – Лена демонстративно отвернулась.

– Ты чего? – Ник взял её за руку.

– Не, все нормально, – Лена улыбнулась, – только давай лучше так – сейчас ты меня отвезёшь, а в пять встретимся здесь же, – она подумала, что отец мог оказаться дома и увидеть, что собирается она совсем не в «Отвертку», и ни с какой ни с Викой.

Дело в том, что он работал по одному ему известному графику – иногда весь день сидел дома за компьютером, иногда с утра срывался в редакцию, но через пару часов мог вернуться, а иногда ездил по области до самой ночи. В принципе, то, что он увидит, было не страшно, но опять же это его нытье...

– Тогда пошли.

Они направились к площади, где парковались те, кому не хватило места у тротуара. Ник достал брелок, и в ответ мигнул фарами чёрный джип с московскими номерами.

– Ой, а ты из Москвы? – удивилась Лена.

– Я ж тебе вчера рассказывал, – не меньше удивился Ник, – ты что, правда, ничего не помнишь?

– Помню, – Лена покраснела, но она умела быстро выкручиваться, – я просто думала, ты шутишь; у нас, знаешь, любят пудрить девушкам мозги.

– Я не пудрю, – Ник открыл дверь, и Лена с удовольствием уселась на переднее сиденье – в таких машинах ей доводилось ездить не часто; больше в «кияшках», да «реношках», останавливающихся на взмах руки, – пудрят мозги те, у кого в жизни нет ничего реального, – перестроившись в пра-

вый ряд, Ник повернул в сторону Ленинского дома (несмотря на московские номера, похоже, город он знал неплохо), – а моя жизнь круче любой «пудры».

Лена чуть не ляпнула: – Расскажи! Но вовремя сообразила, что и это они могли обсуждать вчера – тогда уж ей никак не выпутаться из дурацкого положения, поэтому промолчала. Она лишь искоса поглядывала на водителя и полностью соглашалась с Викой, назвавшей его симпатичным.

...Вот так нажрёшься и пропустишь собственное счастье, – подумала она, – и что со мной вчера случилось? Хотя, чего я удивляюсь – четыре «Ягуара» плюс «Мартини»... Ладно, вечером разберёмся – там будут его друзья, так что как-нибудь выясню, что это за чувак...

Доехали они быстро, и Лена покинула машину с радостью, потому что молчать не любила, но из-за вчерашней истории не знала, о чём стоит говорить, а о чём, нет.

– Значит, договорились, – уточнил Ник в открытое окно, – в пять, в том же кафе?

– Да.

Лена не знала, где сегодня находился отец, но дома его не оказалось. *...И слава богу! А то начал бы вычитывать за вчерашнее... а лучше б с ним, вообще, сейчас не встречаться! Прилипнет, как банный лист – куда? С кем? Когда вернусь?.. А я сама не знаю, куда, с кем и когда вернусь!..*

Она быстро сменила экзаменационную «униформу» на бриджи и топик, открывавший сзади загорелую спину

до самой тонкой ленточки трусиков, а впереди аккуратный пупок с колечком пирсинга; выложила на видное место зачётку, чтоб отец сразу понял, что право гулять она заслужила; быстро перекусила (денег осталось не много и тратить их на еду в городе не хотелось). ...*Фигня, мать приедет – заживём по новой!*..

Довольная, что все успела, Лена выскочила на улицу. Времени оставалась ещё уйма, и она решила прошвырнуться по магазинам, чтоб в преддверии «премии» поискать босоножки, похожие на Викины.

Без четверти пять, так и найдя ничего интересного, Лена сидела за столиком с сигаретой и «Ягуаром», а ровно в пять появился чёрный джип. Быстро проглотив остатки коктейля, Лена подошла к машине, но место впереди оказалось занято и пришлось сесть назад.

– Добрый день, кого не видела, – она плюхнулась на сиденье – «Ягуар» оказывал привычное действие, освобождая сознание от оков стеснительности.

– Привет, – пассажир обернулся, – Роман.

– Лена.

Судя по всему, они с Ником были ровесниками, только лицо Романа казалось... (Лена не знала, правильно ли употребляет это слово, но сейчас его использовали все и в самых разных контекстах) ...менее гламурным.

– И чем Лена занимается?

– Лена перешла на второй курс универа.

– А Ромыч – нейрохирург, – сообщил Ник, – представляешь, он умеет сшивать кровеносные сосуды толщиной в волос!

– Клёво, – ответила Лена, хотя не представляла ни таких сосудов, ни, тем более, как их можно сшить – её познания в медицине распространялись лишь на две области – средства контрацепции и таблетки от головной боли.

– Да, – продолжал Ник, – только потом у него башню снесло, и он защитил кандидатскую по философии. О, зигзаг судьбы!

– Все мы когда-нибудь приходим к философии, – Роман вздохнул и снова обратился к Лене, – а Ника ты откуда знаешь? Он же последний раз был здесь, когда ты, наверное, классе в шестом училась.

– Мы в клубе вчера познакомились, – Лена решила опустить подробности знакомства, и Ник тоже благородно не стал заострять на них внимание.

– Смелая девушка, – Роман покачал головой, – вчера познакомилась, а сегодня едешь на шашлыки с тремя мужиками?

– Да, я смелая! – Лена гордо вскинула голову, но тут же смешно наморщила носик, – шучу – просто сразу ж видно, кто нормальный, а кто, нет.

– Мы-то нормальные, можешь не сомневаться, но все равно надо быть осторожнее.

...Блин, да что ж все учат жизни-то!.. Обидевшись, Лена ничего не ответила, и мужчины тоже замолчали.

Машина, тем временем, покинула центр и двигалась параллельно трамвайным рельсам, едва угадывавшимся в густой траве. Дело в том, что с трамваями администрация города покончила лет двадцать назад; все рельсы давно сняли, увеличив ширину улиц, а эти, на самой окраине, похоже, никому не мешали и про них забыли. По обе стороны уныло тянулись частные домики послевоенной постройки, среди которых изредка, как праздники в календаре, возникали красивые особняки из красного кирпича.

Лена догадалась, куда они едут – в народе этот район назывался «Сады»; причём, он ещё делился на Сады Ближние и Сады Дальние, между которыми было несколько остановок того самого, уже несуществующего трамвая. Сейчас сюда ходили две маршрутки, и то не слишком часто.

Подобные «Зоны отдыха и свободного земледелия» появились в середине прошлого века повсеместно, когда, забываясь о советских людях, истосковавшихся по мирной жизни, Решением ЦК КПСС каждому желающему выделялось по шесть соток бескрайней государственной земли. В данном конкретном случае, садоводам достался кусок изуродованного оборонительными боями пригородного леса, который теперь оказался в черте города; ходили даже слухи, что на месте Садов скоро построят микрорайон. Возможно, в этом был смысл, так как весьма приличную площадь

(а каждый квадратный метр приобрёл в наше время чёткий денежный эквивалент) занимали полуразвалившиеся строения, похожие на сараи – при социализме не было принято выделяться из общей массы трудового народа.

...*Все верно*, – подумала Лена, когда миновав последние девятиэтажки и лесок, определявший реальную границу города, джип свернул на... улицу не улицу, просеку не просеку; короче, теперь они двигались вглубь Садов, и Лена, не бывавшая здесь ни разу, с любопытством глазела по сторонам.

– А почему нигде не видно людей?

– Понимаешь, раньше здесь все было цивильно – сторожа с собаками, шлагбаум на въезде, пропуска, – стал объяснять владевший вопросом Ник, – а теперь каждый приватизировал свой участок, и инфраструктура рассыпалась; никто ничего не охраняет, а потому получился заповедник для бомжей и прочего сброда. Сажать что-либо бесполезно – сожрут на корню хуже зверей; в доме тоже ничего не оставишь – воруют всё подряд. Особенно после зимы здесь полный разгром...

– И что ж за debil покупает такую дачу? – удивилась Лена.

– Почему debil? – Ник засмеялся, – значит, есть у него какие-то соображения.

– А, вон, Фил с Катериной! – воскликнул Роман, все это время внимательно смотревший вперёд.

Выглянув из-за его плеча, Лена увидела парня, сидевшего на пне возле покосившегося забора, и блондинку, пристро-

ившуюся у него на коленях. Ник посигналил; оба в ответ дружно замахали руками и поднявшись, пошли навстречу.

Лену представили просто – «Лена», и такая обезличка её полностью устраивала, снимая обязательства находиться с кем-либо конкретным. Из бездонного багажника джипа, выгрузили мангал, сумки, складные стульчики и прочие нужные вещи. Фил сразу занялся обустройством шашлычного места, Ник с Романом ушли осматривать участок, а Катя, выглядевшая ненамного старше Лены, подошла к ней.

– Ты с кем, с Ником или с Ромычем?

– Пока ни с кем. Мы только вчера познакомились, и они, вот, пригласили... – Лена почувствовала, что слово «пока» было лишним, и Катя мгновенно среагировала.

– Это пока. Но если серьёзно, лучше обрати внимание на Ника. У Ромыча жена, ребёнок, и вообще он немного странный...

– Хирург, ставший философом? – вспомнила Лена.

– Во-во. А у Ника, – Катя подмигнула, – в Москве классная хата, серьёзный бизнес...

– Я как-то не думала так далеко, – действие «Ягуара» давно прошло, и Лена смутилась прозрачности намёка.

– Ну и зря, – Катя пожала плечами, – об этом надо думать сразу, как только видишь существо в штанах.

Коль уж пошёл такой почти интимный разговор, Лена решила восполнить информацию, которую, скорее всего, упустила прошлым вечером.

– Катя, а все они кто? – спросила она.

– Они тебе даже не рассказали? – Катины и без того большие глаза стали ещё больше, – и ты, вот так, поехала?

– Ну да... – Лена покраснела, решив, что очень напоминает девочку по вызову. ...*Но я не такая! Я просто ещё глупая иногда!*.. Впрочем, Катя и не сделала никаких выводов по поводу её морального облика; по крайней мере, внешне.

– Они все учились в медакадемии. Ник потом уехал в столицу и там раскрутил «таблеточный» бизнес – у него оптовый склад медикаментов. Ромыч начинал практикующим нейрохирургом, но съехал в философию, защитился и сейчас где-то преподаёт, а... – Катя оглянулась – Фил к этому времени уже собрал столик, расставил складные табуретки на скрещённых ножках и теперь махал фанеркой, раздувая угли в мангале, – Фил у нас большой начальник – зам. главного врача.

– Вы с ним женаты?

– У нас служебный роман, – Катя засмеялась, – я в той же больнице медсестрой работаю. Но не теряю надежды! – видимо, продолжать разговор о собственных отношениях Кате не особо хотелось, и она огляделась по сторонам, – а куда народ делся? Пошли, поищем?

Они направились к дому. ...*Врачи*, – подумала Лена, – прикольно – никогда не имела знакомых врачей. Зато, если что, будет к кому обратиться... хотя, не дай бог, к нейрохирургу; лучше б он был гинекологом...

– Ау! – крикнула Катя, останавливаясь перед открытой дверью, – вы где?

– Они где-то там! – подняв голову от мангала, Фил махнул рукой в неопределённом направлении, – лучше иди сюда – пора мясо насаживать!

– Помочь? – спросила Лена и очень обрадовалась, получив отрицательный ответ – приготовление чего-либо, кроме яичницы и сосисок, являлось для неё великим таинством. Она закурила и не зная, чем себя занять, зашла в дом.

Бомжи, конечно, похозяйничали здесь изрядно – даже двери были сняты с петель и бесследно исчезли. Она пошла дальше по тесному коридорчику, безразлично заглянула в комнату... и обмерла. В центре стояла железная кровать с грязным матрасом, очень похожая на ту, что фигурировала в её сне, а обои на стенах были бледно-голубыми.

...Похоже, все происходило в этой комнате, и привязана я была к этой кровати!.. Или не к этой?.. Лена опасливо протянула руку, словно кровать могла схватить её, но ничего подобного не произошло. Пощупав матрас, Лена пришла к выводу, что он тот самый, со сбившейся в комки ватой. Обернулась и увидела в углу ворох одежды.

...Может, он и тогда был – я ж не осматривала комнату целиком... Трогать обноски Лена побрезговала, но ногой пошевелила, разделяя на отдельные вещи. В основном, они оказались мужскими – рваные брюки, вылинявшие футболки, свитера. Из одних брюк торчал хвост ремня, на кото-

ром было что-то написано синими чернилами. Лена наклонилась – «майор Ковалёв». ...*Блин, ни фигура себе!..* Для неё, особо не разбиравшейся в воинской иерархии, это было высокое звание; вот, лейтенант – так, мелочь пузатая.

Попадалось и кое-что женское, но не менее ужасное. Лена разгребала кучу, думая, как реальный дом, в котором она никогда не бывала, переключал в её сон, когда в двери появился улыбающийся Ник.

– Ты чего тут застряла?

– А?.. – Лена испуганно обернулась. Видимо, выражение лица у неё было таким, что Ник сразу перестал улыбаться.

– Что-то случилось?

– Нет, ничего... – Лена подумала: ...*Ведь, действительно, реально-то ничего не случилось...*

– Тогда пойдём – шашлыки дозревают.

Взяв за руку, он повёл девушку к выходу; напоследок она оглянулась, но её уход не вызвал никаких мистических изменений. ...*И все равно, мне снилась именно эта комната! Как такое возможно? Я ж не то, что в ней – я на Садах-то ни разу не была! И никто меня никогда не связывал – тут даже ассоциациям взяться неоткуда!..*

Они вышли на остатки крыльца. Дымок, аппетитно окрашенный ароматом жареного мяса, сбил мысли с круга, в котором те могли бы вращаться с одинаково нулевым результатом, бесконечно долго. Фил с Катей суетились у стола, Ромыч собирал с мангала истекавшие соком, толстые золоти-

стые шампуры, с шипением роняя капли сока в раскалённые угли. Небо тускнело, а в старых яблонях (последних, сохранившихся от бывшего садового уюта) чирикали вездесущие воробьи. Это был понятный и радостный мир, который требовалось поскорее смешать со странным миром снов, чтоб получилась среда, приемлемая для обитания.

– Ой, Ник, я тебе такое расскажу!

– Ты сначала присядь; выпьем, а потом расскажешь, – открыв виски, он по очереди плеснул в пластиковые стаканчики, уже выстроенные рядком, – давайте. За то, как славно послужила нам эта дачка! Но прошлое должно оставаться в прошлом.

Все выпили, и сразу оторвавшись от загадочной кровати, Лена подумала: *...Оказывается, виски, правда, можно не закусывать, как и показывают в кино!..* Но шашлыки выглядели очень уж привлекательно, поэтому один она взяла.

Прошла «минута еды», и слово взял Фил с абсолютно неинтересными Лене воспоминаниями о том, что они творили здесь в студенческие годы. Она закурила, наблюдая как солнце медленно сползает за деревья, и почувствовала, что недавний трепет перед неизвестностью прошёл – скорее всего, виски действовало гораздо быстрее «Ягуара».

Выпили ещё раз. Лена ощутила в голове потрясающую лёгкость. *...Классный напиток!.. Жаль, такой дорогой – мы с Викой, точняк, не потянем... хотя ведь две рюмки и мне хорошо, и большие уже не надо, а сколько стоят три коктей-*

Лена, чтоб быть в той же кондиции?..

– Ты что-то собиралась рассказать, – напомнил Ник, с удовольствием вгрызаясь в очередной кусок мяса.

Лена уже не знала, стоит ли рассказывать то, над чем эти серьёзные люди, скорее всего, просто посмеются, но и сидеть неодушевлённой куклой тоже не хотелось; тем более, спиртное всегда добавляло ей кураж.

– Короче, вчера мне снилась эта дача, хотя я, ни сном, ни духом даже не подозревала о её существовании. Я была привязана к той железной кровати...

– Это из области мазохизма, – заметил Фил.

– Причём тут мазохизм? – возмутилась Лена, – меня не били, не насиловали; даже в комнате никого не было! Ничего не происходило вообще, но я была тут, и именно привязана к кровати! Вот, что это может означать?

– Ромыч, мозги по твоей части, – Ник засмеялся.

– Но я ж не психиатр, – тот пожал плечами.

Упоминание о психиатре выглядело даже более обидно, чем подозрение в мазохизме.

– Я не сумасшедшая! – вскочив, Лена побежала, совершенно не думая, куда и зачем несёт её подогретое алкоголем сознание; правда, и убежать далеко не смогла – Ник догнал её и развернул к себе лицом.

– Дурочка, – он улыбнулся так, что Лена вдруг успокоилась; даже прижалась к нему, – психиатр – это врач, который занимается депрессиями, немотивированной агрессией, раз-

личными фобиями, возвращает память; короче, делает массу полезных вещей.

– Правда? – Лена подняла голову, – а я думала, что он посчитал меня... ну, того, – она покрутила пальцем у виска, – неудобно получилось, да?

– Ничего, сейчас утрясём, – Ник взял в ладони её лицо, долго смотрел... и как-то незаметно их губы сомкнулись. Лена закрыла глаза, дыхание сбилось; она чувствовала на обнажённой коже ласковые руки и ей стало хорошо.

Когда внезапная эмоциональная феерия закончилась, они вернулись к столу и уселись на прежние места.

– Все-таки Конфуций был великим философом, – неожиданно объявил Ник, – когда у него спросили, что б он сделал в первую очередь, став правителем, он ответил – уничтожил все словари и создал один. Ну, ему начали толковать о политике, о развитии страны, а он ответил – все беды начинаются с того, что люди не понимают значения слов – каждый вкладывает в них собственные понятия и, соответственно, под одними и теми же лозунгами совершаются абсолютно противоположные действия...

– Это ты к чему? – своим вопросом Фил, опередил остальных.

– К тому, что для Леночки психиатр – это сотрудник дурдома, раздающий смирительные рубашки.

Все дружно захохотали; видя это, Лена прижалась к Нику и тоже улыбнулась. Если б ещё стаканчик виски, она б

с удовольствием поцеловала его прилюдно; зато когда Ромыч протянул ей мизинец и сказал: «– Понятно. Ну, что? Мир, дружба, футбол?», она была почти счастлива.

– Вы меня извините, – Лена потупила взгляд, потому что не любила просить прощения.

– Лен! – Катя подхватила тему, – да ты не обижайся на Ромыча! Он прикидывается философом, а в душе по-прежнему нейрохирург, поэтому орудует словами, как скальпелем. Для него в нашей голове есть только серое вещество, кровотоки, менингиомы, нейроцитомы...

– Откуда такие познания в опухолях?! – поразился Ромыч.

– Я ж не только клизмы ставлю, но и тоже учусь в медалкадемии.

– Давайте, за все хорошее! – Фил разлил виски; все выпили, и Ромыч вернулся к прерванной теме:

– Лен, ты спросила, что значит твой сон. Вариантов два: Первый – ни хрена он не значит! То есть это лишь художественное воплощение твоего настроения...

– Но у меня было нормальное настроение!

– А если настроение нормальное, то второй вариант. Но тут сложнее. Наш мозг ведь никакая ни вершина эволюционного развития, а система, которая тысячелетия существует абсолютно в том же виде, в каком создана изначально. Кем создана, с какой целью, науке объяснить пока не под силу, но то, что обезьяна тут не причём – доказано...

– Бедный Дарвин, – Ник покачал головой, – это часть тво-

ей докторской?

– К сожалению, нет, – вздохнул Ромыч, – это америкосы открыли, но я с ними полностью согласен. Мозг – это лишь совершенный компьютер. От тех, которыми мы пользуемся ежедневно, он отличается тем, что система постоянно видоизменяется, как если б каждую секунду перепайвали по тысяче микросхем, но общие принципы устройства такие же, сто процентов! Это в своё время и подвигло меня заняться философией – захотелось приблизиться к «программисту». И тут приходится констатировать, что древние оказались мудрее и грамотнее нас. Не правильно в песне поётся, что есть только миг между прошлым и будущим, и, именно, он называется жизнь. Реально получается, что время непрерывно, и все происходит с точностью до наоборот – будущее, которое связано с прошлым, управляет нашим настоящим, а само настоящее – лишь механизм реализации общей программы, и, по большому счету, ничего особенного из себя не представляет...

– Знаешь, – перебил Ник, – в юности, когда я писал стихи, один друг, послушав их, сказал: – Здорово! Я его спрашиваю – почему здорово? А он – здорово, потому что ни фиги не понятно!

– Ладно, – Ромыч засмеялся, – тогда пример, и закрываем тему. Экспериментов америкосы провели массу, самых разных, но, если в тему – снится вам, например, что кто-то выбегает, хлопая дверью, и просыпаетесь вы оттого, что

кто-то из домашних реально хлопнул ею. Или снится, что вы садитесь в машину, заводите двигатель... и просыпаетесь от шума двигателя за окном. То есть событие ещё не произошло, а в вашем сне уже существует его отголосок; причём, вероятность таких снов в три раза выше, чем должно быть по теории случайных чисел. О чём это говорит? О том, что мозг спящего человека чувствителен к сигналам, несущим информацию из будущего.

– Типа, вещие сны? – догадалась Катя.

– Да, только слово «вещие» не совсем корректно. Вещий – это пророческий, то есть, предсказывающий будущее, а сны не предсказывают, а показывают будущее, которое уже существует – кто-то выходит из комнаты, под окном заводится машина; это будущее предопределено нашим прошлым и постепенно формируется нашими сиюминутными действиями в настоящем. Это реальность, которой пока ещё нет. А толкование снов во всяких сонниках – натуральная лапша для лохов. Недавно читал одного последователя Фрейда – блин, умора!.. Прикиньте, оказывается, если мужчина видит себя в падающем самолёте, то ему в скором времени грозит что? Сроду не догадаетесь! Импотенция! А если женщина падает в самолёте, значит, она боится изнасилования. Подумайте, какая связь! И такие перлы сплошь и рядом; я даже выписывал их одно время; потом надоело. Так что, Лен, если не считаешь свой сон отображением настроения, думай, кто и зачем будет тебя связывать...

– Не дай бог! – испугалась Лена, и все засмеялись.

– Слушай, Ромыч, – перехватила инициативу Катя, – а мне, вот, снился сон – типа, я готовлюсь к свадьбе, хотя таковая пока не планируется, да? – она молниеносно стрельнула взглядом в сторону Фила, но тот сделал вид, что ничего не заметил, и Катя вздохнула, – короче, мать предлагает мне на выбор три платья. Одно классическое белое, в рюшах – я такие терпеть не могу. Второе – розовое, прозрачное, похожее на пеньюар. Не представляю, как смогу выйти в нем на люди и отказываюсь, а третье – красное, блестящее и без излишеств. Оно мне понравилось, но оказалось велико. Короче, подошло только белое, на котором настаивала мать. Выбора не оставалось, и вот я в нем в ЗАГСе, а жених... блин, алкаш какой-то – в грязной майке, кальсонах... не, реально! – Катя видела, что все смеются, – да, и в домашних тапочках! Тут я в ужасе просыпаюсь.

– Ну, свадьба, свадебное платье – это классика жанра, – Ромыч довольно развёл руками, – давайте поспорим на вискарь – никто не угадает, что по этому поводу в сонниках пишут?

Спорить никто не стал, и Ромыч разочарованно вздохнул.

– Короче так. Примерять свадебное платье – это значит, что тебе, Катюх, предстоит стать общественным деятелем...

– Чего?.. – Фил вытаращил глаза.

– А три платья? – Ник расхохотался, – хотя понял! Сначала она возглавит фракцию ЛДПР, потом – КПРФ, но, в кон-

це концов, примкнёт к «Едроссам».

– Не, чего реально так написано? – изумилась сама, будущий политический деятель.

– Я ж предлагал поспорить, – Ромыч пожал плечами, – а, вот, свадьба – это неприятные события в государстве. На прямую они Катерину не затронут...

– Как это? – возмутился Ник, – она ж деятель!

– Не зна-ю, – произнёс Ромыч по слогам, – вот, не затронут, но заставят поволноваться. Так написано.

– Маразм, – заключил Фил.

– Вот, и я о том же, – Ромыч кивнул, – а теперь объясню тот же сон, но через цепочку: прошлое – настоящее – будущее. Значит, ты, Катюх, запрограммирована на три брака. Первый уже был по настоянию родителей, но не сложился...

– Так муж-то алкаш в кальсонах, – вспомнил Фил.

– Не алкаш! – вступилась Катя, – но мудака изрядный, это да.

– ...вторая попытка до брака не дошла, так как, кроме секса в отношениях ничего не было; а, вот, третий брак...

– Погоди, – перебил Фил, – что это у тебя за секс такой могучий, что чуть до свадьбы не дошло?

– Фил, – Катя скорчила жалостную рожицу, – это до тебя...

– Bravo! – Ник хлопнул в ладоши, – куда тут Нострадамусу!

– Не, Кать, – голос Фила стал строгим, – почему ты о муже

рассказывала, а о любовнике, нет?

– Фил, ты не горячись, – продолжал веселиться Ромыч, – ей предстоит третий брак, который станет удачным, но пока она до него ещё не доросла – платье-то велико...

– До всего я доросла, – Катя ловко перебралась к Филу на колени и поцеловала его, – я тебя люблю. Давайте, за это выпьем!

– Выпьем обязательно, – Ромыч придвинул стаканчик, – но ты учти, я ж ничего о тебе не знал, и, вообще, вижу второй раз в жизни. Так, что? Чья система работает?

– Конечно, твоя, – Фил плеснул всем из очередной бутылки, – Катька, блин, политический деятель!..

– Поэтому, – Ромыч повернулся к Лене, – соображай сама. Лена почувствовала на голом боку руку Ника и, придвинувшись, положила голову ему на плечо. ...Ага, сейчас буду забивать мозги всякой херней – у меня и так все классно!..

– За любовь! – провозгласил Ник, словно читая её мысли. Напиток мгновенно взбудрил организм. Подчиняясь неведомо откуда возникшему импульсу, Лена томно прикрыла глаза; тут же почувствовала, как посторонний язык аккуратно раскрывает её губы, и с удовольствием подчинилась.

– Пойду, прогуляюсь, – Ромыч встал, – а то, как в песне: «...все подружки по парам в тишине разбрелися...»

Когда он отошёл шагов на десять, Ник тихо спросил:

– А чего он без жены? Девка, как я помню, не глупая.

– Да она, вообще, классная, – добавил Фил, знавший жену Ромыча гораздо ближе, чем Ник, живший в Москве, – мне кажется, он боится, что Танька забудёт его в компании. Он же только о науке своей и может говорить, а она хохмачка ещё та.

– Блин, как же она с ним живёт?

– Сам знаешь, пути Господни... – Фил развернул к себе Катю, – а тебя... если, конечно, надумаю жить с тобой, то везде буду брать... – Катя уже готова взорваться восторгом, но Фил добавил, – а то оставь одну – наденешь розовое платье, и вперёд!

– Ах, ты, мерзкий!..

Пока они весело выясняли отношения, Ник аккуратно перетянул Лену к себе на колени и прошептал:

– Они скоро свалят, а ты? Тебе надо домой?

– Не-а, – Лена покачала головой. Она не знала, где именно они будут ночевать, но точно знала, чем будут заниматься. Это был настоящий мужчина, а не какой-нибудь дебил из клуба – если она ему нравится, можно ведь попробовать и реально построить отношения; тем более, он – москвич...

– Эй, влюблённые! – Ромыч появился, будто ниоткуда, – ни фига тут интересного, поэтому имеется не отличающееся новизной предложение – выпить на посошок.

– Ты отчаливаешь? – Ник сделал вид, что удивился.

– А что? Поели, попили. Завтра у меня единственный выходной, так что Татьяна хотела съездить, выбрать новую

спальню.

– Спальня – дело святое, – Фил вздохнул, – а мне завтра на работу. Катя, ты как? Ты-то завтра выходная.

– Не поняла – что значит, как? Ты уедешь, а я останусь? – возмутилась Катя.

– Лен, ты с нами или с Ником? – спросил Ромыч, хитро прищурив глаз, – а то я тачку вызываю.

– Она со мной, – быстро ответил Ник, – а я остаюсь здесь, потому что покупатель придет утром, и, на фиг, мне податым мотаться туда-сюда, чтоб переночевать в гостинице? Поспим в машине. Лен, тачка у меня!.. Сейчас сиденья разложу, увидишь.

Лена промолчала; она не знала, правильно ли поступает, но с Ником однозначно было интереснее, чем дома.

– Понятно, – оценив её молчание, Ромыч достал телефон.

В ожидании такси, общими усилиями, убрали «походно-полевой мебельный набор» а те, кто курил, успели ещё и выкурить по сигарете. Прощание прошло без пафоса, и когда такси уехало, воцарилась тишина; только невидимый дятел все ещё выстукивал себе запоздалый ужин из старой сосны.

Сумерки только сползали с потускневшего неба, первым делом проверяя потаённые уголки под деревьями и в зарослях кустов с гроздьями красных ягод. Лена представила, каково здесь будет ночью, и поёжилась.

– А вдруг на нас нападут? – спросила она, – ты ж говорил, что тут заповедник для бомжей.

– Пусть попробуют, – Ник достал из бардачка пистолет.

– Ух, ты! Дай глянуть! – Лена, никогда близко не видевшая оружие, протянула руку.

– Глянь, – Ник извлёк обойму и поймав недовольный взгляд, пояснил, – заряженную «пушку» маленьким девочкам не дают.

– Я не маленькая! Я уже взрослая!

– Какая ты взрослая?.. – Ник обнял её, и, вот, на него Лена не обиделась – на какой-то миг ей, правда, захотелось стать маленькой, – между прочим, настоящий – не травматика, – продолжал Ник, пока Лена благоговейно вертела в руках тяжёлый чёрный металл, – страшная штука – завораживает. Когда знаешь, что он заряжен и всегда под рукой, надо иметь, либо железные нервы, либо до безумия любить людей, чтоб однажды не убить кого-нибудь.

Лена испуганно вскинула голову – ей только сейчас пришла мысль, что она осталась ночевать в безлюдном месте, с фактически незнакомым человеком.

Ник понял её и снова прижал к себе.

– Не волнуйся, у меня нервы даже не железные, а титановые, – он забрал пистолет и вставив обойму, сунул в карман, – забудь. Я показал его, чтоб ты просто ничего не боялась. Пошли, погуляем. Знаешь, сколько живу в Москве, а родной она не становится. Я давно втянулся в её ритм

и неплохо себя чувствую, но все равно – не моё это, – Ник глубоко вздохнул, – только, вот, большие деньги делаются именно там, и никуда от этого не денешься. Не знаю, поймёшь, ли ты...

Лена не понимала, как может не нравиться жить в столице, да ещё имея кучу денег, поэтому промолчала. Держась за руки, они медленно брели по кривой дороге, в которую давно превратилась улица.

– А бомжи машину не тронут? – спросила Лена, чтоб только что-нибудь спросить.

– Так, лето ж. Они тут от морозов прячутся, а сейчас им под каждым кустом, и стол, и дом. Да и кое-кто ещё живёт здесь – могут ментов вызвать.

– Ни одного живущего не вижу, – Лена огляделась, – знаешь, как в триллере – мёртвый заброшенный город...

– Не такой уж мёртвый. Дач тут около трёхсот; человек сорок приезжает. Просто на нашей улице никого нет, а раньше!.. – Ник указал на нечто среднее между домом и вагончиком, – здесь жили Прохоровы; дочка у них была, тёзка твоя – Ленка. Моя первая любовь. А, вон, справа – это Кокорины. Какие у них цветы были! Я их подворовывал и Ленке таскал...

– Ник, – неизвестно к чему вспомнила Лена, – а Ковалёвы тут жили?

– Ковалёвы? – Ник задумался, – не помню. По крайней мере, в ближайшем окружении таких не было. А почему ты

спросила?

– У тебя на даче валяется куча тряпья, и на одном ремне написана фамилия, – Лена достала очередную сигарету.

– Ты много куришь, – заметил Ник.

– А мне нравится, – затянувшись, Лена выпустила дым тонкой струйкой, – я ещё в школе начала, втихушку от родителей; жвачку потом пожую, чтоб не пахло, – она засмеялась весёлым воспоминаниям.

– А я бросил год назад и, знаешь, даже лучше себя чувствую. Я ж старый – сороковник не за горами.

– Правда? Я думала, тебе лет тридцать.

– Видишь, как хорошо сохранился.

...Блин! – Лена отняла в уме две цифры, – семнадцать лет разницы! Теоретически он мог стать моим отцом!.. И что? Из-за этого нельзя переспать с ним? Говорят же, что ни делается, все к лучшему...

Они остановились прямо посреди дороги. Поцелуй был ожидаемым и очень долгим. Собственно, он мог быть и ещё дольше, но откуда ни возьмись, появился комар; что-то пропищав над ухом, он впился Лене в голое плечо.

– Блин! – она прихлопнула его, и идиллия нарушилась.

Наверное, убийство возмутило мирно сновавшие в кустах комариные полчища, и они устремились в атаку на наглых пришельцев. Лена тут же пожалела, что надела топик, а не что-нибудь более закрытое.

– Идём обратно? – Ник развернул девушку.

– Идём, – Лена шлёпнула себя по щеке, потом по спине, неудобно вывернув руку, и резко прибавила шаг.

Машина стояла на месте и рядом с ней никого не было. Они забрались внутрь и одновременно засмеялись, радуясь, что теперь комары могут ломиться к ним, сколько угодно.

Сиденья Ник разложил ещё пока все ждали такси, поэтому сразу утянул Лену назад; она еле успела сбросить босоножки.

Пока они целовались, Лена думала: ...*Наверняка серьёзного продолжения не будет, если я в дочери ему гожусь. А жалко – он классный... только ему ж не такая жена нужна, чтоб по клубам тусила, а чтоб за домом следила, детей рожала...* Она почувствовала, как молния на бриджах разъезжается, и они сползают вместе с трусиками; приподнялась, облегчая Нику задачу, и через минуту, скинув и топик, ощутила полную свободу, и физическую, и моральную.

Началось все с игривой возни, которая зародила у Лены сумасшедшую мысль, что её всё-таки не просто используют, а она реально нравится этому взрослому, богатому и симпатичному москвичу. Единственное, что её волновало – она забыла спросить про презервативы, но Ник сам полез в бардачок, где их оказалась целая пачка, и Лена успокоилась.

Никаких красивых слов они не говорили. Конечно, Лене хотелось их услышать, но какие красивые слова, если они едва знакомы? Они стали б дежурной ложью, а, вот, дежурной лжи Лене не хотелось. Они слышали сбивчивое дыхание

друг друга и этого было вполне достаточно.

Ник скатился в сторону, когда уже стало темно; вернее, темно, если смотреть назад, потому что впереди висела огромная круглая луна; такая яркая, что были видны и деревья, и домики, и дорога. Лена смотрела на неё заворожено – она часто проводила ночи вне дома, но, как правило, это был сверкающий неживыми огнями, утопающий в дыму клуб, а такое она видела впервые.

– Я хочу курить, – сказала она, не отрывая взгляд от светила.

– Только окно открой.

Лена послушалась и высунула в окно руку.

– Ой, комары легли спать! Я на улице покурю, – она открыла дверь, вместо противного писка, слушая переливы цикад.

– Прямо, так? – Ник приподнялся на локте.

– А что? Ты ж сказал, тут нет никого, – она опустила босые ноги на прохладный песок и встала. Это было совершенно новое ощущение – раньше ей даже не приходило в голову обнажиться где-либо, кроме ванной и постели, а тут она стояла абсолютно голый посреди посёлка, и даже здорово, если бы кто-то подглядывал за ней!..

Прикурила. ...*Блин, вот это открытие – оказывается, так классно ходить голяком – живой адреналин! А я-то считала Настьку сумасшедшей, когда она приходит в клуб в короткой юбке и без трусов. Надо будет тоже попробо-*

вать хоть разочек – наверное, мне понравится...

Внутри машины булькнуло и послышался голос Ника.

– Вискарика хочешь, эксгибиционистка?

– Хочу, – Лена протянула руку и, получив бутылку, сделала несколько глотков прямо из горлышка. Напиток почему-то показался крепче, чем раньше – она даже передёрнула плечами, а по коже побежали мурашки. Пришлось выкурить ещё сигарету, и только после этого вернуться в салон и закрыть дверь. Секса больше не хотелось; Лена прижалась к Нику и прошептала:

– Будем спать?

– Будем.

Лена глубоко вздохнула и подумала, что правильно сделала, не поехав домой – вечер получился замечательный!

Проснулась она с тяжёлой головой; правда, это являлось не последствием выпитого виски (состояние похмелья выглядело совсем по-другому), а, скорее, духоты. Открыла глаза – на улице ослепительно светило солнце, и машина нагрелась, а все окна были закрыты. На месте Ника лежала её одежда; сама же Лена была укрыта чем-то, типа пледа, пыльного и чуть пахнущего бензином.

...Заботливый... – Лена откинула плед, но услышав совсем рядом мужские голоса, инстинктивно укрылась вновь; прислушалась – голоса, один из которых принадлежал Нику, обсуждали расположение каких-то границ. *...Небось, по-*

купатель припёрся, – Лена быстро оделась. Хотя зрители теперь имелись, повторять ночной стриптиз желание пропало. *...Блин, ни умыться, ни подмыться, ни зубы почистить!.. Надо срочно домой...* Она вышла из машины, и мужчины, стоявшие всего в нескольких шагах, обернулись.

– Привет, – оставив покупателя, Ник подошёл, – выпаласть?

– Ага, – Лена потянулась, после тесного пространства чувствуя свободу, – ты ещё долго? А то без воды-то хреново.

– Вон там, – Ник показал в узкий проход между дачами, – есть действующая колонка. А я тут надолго – этот тип ещё какого-то юриста ждать собирается. Похоже, такими темпами сегодня в Москву я не уеду, – он достал телефон, – давай тебе такси вызовем.

– Никита Сергеевич! Вы будете с девушкой общаться или все-таки вернёмся к делам? – голос покупателя был требовательным, но Лена не обратила на него внимания.

– Если не уедешь, может, вечером встретимся? – Ленины мысли, с радостью покинув настоящее, устремились в будущее, – сходим в «Тануки»; есть у нас такой японский ресторан. Страсть, как люблю ролы! Когда мать денег даёт, мы там зависаем...

Но Ник не слушал, объясняя диспетчеру, куда надо подать машину; потом сунув телефон в карман, объявил:

– Будет через час. Если хочешь есть, посмотри в красной сумке. А насчёт вечера, посмотрим, как звезды станут, – Ник

направился обратно к покупателю. Глядя ему вслеп, Лена подумала, что звезды станут хреново, потому что вчера закончилось, а сегодня новый день и все уже совсем по-другому.

Она сходила в туалет, стыдливо спрятавшись в кустах на соседнем участке, помылась ледяной водой; отыскав красную сумку, съела большое яблоко, покурила и забравшись в машину, принялась восстанавливать макияж.

Процесс занял минут сорок; потом она наблюдала за мужчинами, беседовавшими у дальнего края участка. Покупатель выглядел немного старше Ника но, в принципе, был симпатичным, только очень уж серьёзным. Лена не любила таких «деловых», поэтому, чтоб чем-то занять себя, зашла в дом. ...*Может, вчера я не заметила что-то важное?.. А то, если Ромыч прав, и это моё недалёкое будущее, то ни фиги себе! Не хватало ещё, чтоб меня связали и держали где-то...*

За ночь комната не изменилось – кровать стояла на месте, грязная одежда валялась той же кучей. ...*И что можно пропустить там, где ничего нет? – Лена остановилась у кровати, – точняк, она мне снилась. Блин, откуда чего берётся?.. А, вообще, что главнее – сам дом и то, что я оказалась связана или это лишь антураж, а главное – безысходность, которую я очень хорошо помню? Эх, надо было спросить у Ромыча, что важнее – факты или ощущения?..*

Лена присела на кровать; покачалась. ...*И скрипит, совсем так же... Ну, чего я ломаю голову – все равно ни к како-*

му выводу не приду. Гораздо интереснее, придёт Ник в «Тануки» или нет, и если придёт, то чем у нас все закончится...

Из дома Лена вышла очень вовремя – на дороге как раз показалось жёлтая «Волга» с шашечками. Ник поговорил с водителем, сунул ему какую-то купюру и подошёл к Лене.

– Доставит к подъезду. А по поводу вечера... может, подойду часиков в семь, но на сто процентов не обещаю.

Прощальный поцелуй получился сухим и поспешным, совсем не похожим на вчерашние, поэтому Лена поняла, что в «Тануки» Ник не собирается. Это было обидно; впрочем, не настолько, чтоб убиваться – изначально она ведь и не строила никаких планов, а ехала отдыхать; это уж потом появились всякие бредовые фантазии. ...*Ну и ладно, — тоскливо подумала она, — будем считать, что ни делается, все к лучшему. Одно плохо — ролов сильно хочется...* Усевшись в такси, Лена оглянулась, но Ник больше не смотрел в её сторону.

Лена открыла дверь и сразу проскочила в свою комнату. Она не собиралась прятаться – просто неизбежное отцовское нытье могло длиться очень долго, а ей хотелось поскорее принять душ. Но отец неожиданно зашёл следом.

– Явилась?

Лена подумала, что неплохо б стрельнуть у него рублей триста, до приезда матери, а идти в клуб совсем без денег, смешно.

– Ну, так получилось, – она потупила взгляд, – зато я по истории четвёрку получила!

– Зачётку я видел. Но меня больше интересует, где ты шлялась всю ночь? Тебе не кажется, что ты совсем обнаглевала?

...Точняк, не даст. Ну, и пошёл он – обойдусь!..

– Ничего мне не кажется, – гордо вскинув голову, Лена двинулась в ванную, но отец остановил её.

– Ну-ка, дай руки!

– Да не парься! – она протянула ладошки, – не колюсь я!

На вены отец даже не глянул, а достав из кармана кусок бельевой верёвки с уже готовой петлёй, надел её на запястья дочери и молниеносным движением затянул.

– Ты чего? – Лена обалдело попятилась, – с дуба рухнул?

Отец не ответил, но потянул так, что, споткнувшись, Лена плюхнулась грудью на стол с валявшимися там третий день небрунными учебниками; концы верёвки он привязал к батарее, зафиксировав дочь в совершенно идиотской позе, и молча вышел.

...Блин, это ж не может быть продолжением сна!.. Меня там привязывали к кровати!.. Ничего не понимая, Лена попыталась освободиться, но не успела – отец вернулся слишком быстро. В руке он держал... ремень! Теперь Ленина поза уже не выглядела идиотской, а имела вполне конкретный смысл.

– Ты охренел? – и сон, и явь мгновенно вылетели из голо-

вы. Лена задохнулась от возмущения, – я, взрослая! Не вздумай!

– Взрослыми, Лен, чтоб ты знала, становятся не когда получают паспорт, а когда начинают зарабатывать деньги – с этого момента человек может строить жизнь так, как ему нравится. А ты не то, что деньги – посуду за собой ни разу не вымыла!.. Нет, ради бога, мы с мамой готовы продлить твоё детство, но тогда и веди себя соответственно, то есть, уважай и слушайся тех, кто тебя кормит, покупает шмотки, платит за учёбу и развлечения; кто, в конце концов, несёт за тебя ответственность! Стиль поведения вытекает из статуса! Так или нет?

– Но, пап...

В словах отца просматривалась логика, правда, если следовать ей, главный и единственный Ленин аргумент сразу оказывался несостоятельным – она ж действительно считала год рождения наиважнейшим признаком взрослости. А разве можно за пять минут перестроить сознание, превратившись из свободной самостоятельной девушки обратно в ребёнка?..

– Сегодня, – отец подошёл ближе, – ты начинаешь новую жизнь.

– В смысле?.. – Лена испуганно скосила взгляд на ремень, – надеюсь, ты не собираешься побить меня?

– А ничего другого не остаётся, – расстегнув «молнию», отец стянул бриджи до колен.

Поверить в происходящий абсурд Лена не могла. Громко ругаясь, она попыталась брыкаться, но бриджи сильно мешали, а петля больно врезалась в запястья. Хотя сознание продолжало бунтовать, физически она ничего не могла сделать, а когда человек ощущает своё бессилие, в него даже быстрее, чем за пять минут, возвращается ребёнок, и Лена захныкала, как маленькая.

– Пап, ну, не надо... пожалуйста... я все поняла...

– Ничего ты не поняла, если материшься тут, как сапожник. Нет, Леночка, в своё время распустили мы тебя и придётся навёрстывать упущенное, – отец подтянул вверх без того узенькие трусики, полностью оголив необходимую для воспитательного процесса часть тела.

Первый удар Лена вытерпела, задохнувшись от неожиданности; второй – сморщившись и сильно прикусив губу, однако тут же последовал третий, четвёртый... Дальше она не считала, потому что к ягодицам, с равными интервалами, будто прикладывали раскалённое железо. Елозя животом по столу в тщетных попытках увернуться, она сначала просто визжала, потом стала просить прощения, но результатов ничто не принесло. Только когда ягодицы обрели ровный малиновый цвет, а сама Лена, израсходовав годовой запас слез, жалобно скулила, вздрагивая под очередным ударом, отец сделал паузу.

– А конкретно ты мне ничего не скажешь?

Но на тот момент в её сознании жила лишь одна мысль –

когда этот ужас закончится, и поскольку вразумительного ответа не последовало, ремень снова взялся за дело. Мысли заметались в поисках уникальных слов, способных прекратить экзекуцию, и с нескольких попыток таковые нашлись:

– Я!.. Честное слово!.. Я больше не буду!.. Себя так вести!

– Вот, видишь, – бросив ремень на диван, отец отвязал Лену, – выходит, проблемы, о которых мы без толку говорили годами, легко решаются за какие-то полчаса. А теперь, марш в угол! Ещё раз всё хорошенько обдумай и без истерик подведём итоги.

Формально Лена была свободна, но ремень лежал слишком близко, чтоб послушаться. Давясь слезами, она переступила упавшие на пол бриджи и закрыв руками лицо, отвернулась к стене, где та соприкасалась со шкафом. В далёком детстве ей как-то пришлось стоять в углу, но только сейчас она поняла – тогда было не наказание, а так, игра в строгость.

Из сумочки раздалась знакомая мелодия, однако отец сам бесцеремонно достал Ленин телефон; на экране возникло симпатичное фото улыбающейся брюнетки.

– Кто это, блин? – удивилась Вика, – Лену можно услышать?

– Можно, – отец развернул трубку, – услышала?

– Она чего там, плачет? – догадалась Вика, – что случилось?

– Вик, да ничего особенного. Получила, вот, ремня и стоит в углу, обдумывает своё поведение.

– Чего, правда? Да ну, вы прикалываетесь.

– Позвони позже. Она сама расскажет.

– Пап!.. – Лена зарыдала громче и уже больше не от боли, а от стыда, – зачем ты сказал?..

– Но это ж правда. К тому же, тебе надо формулировать, как жить дальше, а тебя волнует всякая ерунда.

Бросив телефон, отец вышел. Лена тут же приложила ладони к ягодицам – всегда нежные и гладкие, они покрылись, то ли буграми, то ли рубцами, и пылали огнём. *...Во, блин, попала! И Вика ещё знает... позорище! В детстве ни разу не бил, а тут в девятнадцать лет... додумался, сука!..*

Когда отец заглянул снова, Лена уже не рыдала, а тихонько всхлипывала, но продолжала послушно стоять, уткнувшись в угол под метровой нитью паутины (уборку она целый месяц переносила «на завтра»).

– Выходи, – отец присел возле стола.

Лена боялась сесть даже на мягкий диван, поэтому остановилась посреди комнаты, опустив голову и тоскливо разглядывая топик с гордым призывом «Готова любить!», колечко пирсинга, притаившееся в пупке, сексуальный треугольник трусиков, из-под которого совсем некстати выбилась пара курчавых волосков. В сложившейся ситуации все это выглядело нелепо, ибо являлось атрибутами жизни, до которой она, как выяснилось, ещё не доросла.

– Итак, разберём, что должно включать в себя понятие «я

больше не буду себя так вести». Курить ты бросаешь. Так?

– Да... – Лена не представляла свой имидж без сигареты, но в её положении другие ответы просто не рассматривались.

– Гуляешь ты столько, сколько тебе разрешат. То есть, если сказано быть в одиннадцать, значит, ровно в одиннадцать ты должна стоять здесь, и никак не иначе.

– А вдруг маршрутка сломается?.. – Лена попыталась сохранить хоть крошечную частицу прежней свободы, но отец в миг рассеял глупые надежды:

– Ты, действительно, не понимаешь или прикидываешься? Сломавшаяся маршрутка, потерянные ключи, пожар, наводнение, роды у подруги... что там ещё ты можешь придумать?.. Ну, естественно, разрядившийся мобильник, отсутствие сигнала... короче, никакие домашние заготовки больше не работают. Существует единственная схема: хоть на пять минут опаздываешь, можешь ничего не объяснять – снимаешь штаны и получаешь ремня. Ещё вопросы есть?

Лена была в полном смятении и отрицательно мотнула головой – какие вопросы при таких ответах?

– Отлично. Следующий пункт – согласен, иногда в компании приходится выпивать, чтоб не выглядеть белой вороной, но если ты опять явишься такой, как позавчера...

– Не явлюсь.

– Ладно, проверим. И последнее: слушаешься ты с первого раза – без хамства, без мата. И повторяю – сегодняшняя акция не разовая; пороть буду за малейшее нарушение дис-

циплины.

– Пап, так нельзя! – Лена подняла полные слез глаза, но снова говорить про взрослость уже не посмела.

– А в чем проблема? – удивился отец совершенно искренне, – мы сейчас определили проступки, за которые ты будешь наказана. Вот, не совершай их, и все. Если продержишься до Нового года, соберёмся с мамой и решим, можно ли, в качестве новогоднего подарка, снова стать тебе самостоятельной или ещё рано. А пока, он, – отец указал на ремень, – будет оценивать каждый твой поступок. Тебе всё ясно?

– Да.

– Тогда повтори, что тебе ясно, иначе начнётся – я это не обещала, мы так не договаривались. Что я, не знаю тебя?

– Ну, пап... – повторять вслух приговор самой себе не поворачивался язык, но отец так красноречиво покосился на диван, что Лена тяжело вздохнула, – если я буду плохо себя вести... ну, там, курить, приходиться пьяной, не ночевать...

– Стоп! Что за «не ночевать»? Мы, кажется, говорили, если ты опоздаешь хоть на пять минут! И почему все в неопределённой форме – «курить», «приходиться»? Каждый раз, когда я закурю или приду пьяной... Давай сначала.

– Каждый раз, когда я закурю, приду пьяной, опоздаю...

– Нахамлю или не буду слушаться, – подсказал отец.

– Нахамлю или не буду слушаться, – перед ключевой фразой Лена судорожно сглотнула воздух, – я буду наказана...

– Как? Чтоб опять же не было разночтений, а то не сходить

в кино, тоже можно считать наказанием, так ведь?

– Так... Я буду выпорота ремнём.

– Во-от. И заметь, Лен, сверхъестественного от тебя ничего не требуется – просто веди себя прилично. И не вздыхай, будто случилась трагедия, – отец встал и неожиданно обняв, поцеловал дочь в лоб, – мы тебя любим, и делаем все для твоей же пользы – иначе, Лен, я серьёзно говорю – ты плохо кончишь. Завтра я в командировке, так что маме сама расскажешь, как прошёл наш первый урок и какие выводы ты сделала. Сейчас я поехал в редакцию, а ты под арестом – из дома ни ногой; и завтра тоже. Если самовольно уйдёшь, догадываешься, что тебя ждёт?

– Да, – Лена растёрла по щеке оставшиеся слезинки.

Едва за отцом закрылась дверь, она подошла к зеркалу, повернулась спиной и увидев отражение, заревела снова – её симпатичная попка выглядела натуральным куском мяса. ... *Блин, а вдруг останутся следы? Твари, в деньгах бы урезали или...* Чем ещё родители могли заменить порку, она не успела придумать, потому что подал голос телефон и на дисплее возникла Викина физиономия.

– Привет, чего у тебя там за светопреставление?

– А то не знаешь – отец же сказал...

– Чего тебе, реально ремня по заднице дали? – голос у Вики был даже весёлым, но Лена как-то не обратила на это внимания.

– Ещё как дали! Сесть боюсь. Вик, только умоляю – не го-

вори никому.

– Ну, ясен пень. К тому же я завтра в Египет отчаливаю. Вечером отмечать будем. Может, заскочишь на часок?

Новость, словно прилетела из другого мира, поэтому не вызвала ни радости за подругу, ни зависти к ней.

– Ты чего, дура?.. – Лена вспомнила обещания, данные от безысходности, и ей стало так жаль своего весёлого прошлого, что отступившие, было, слезы покатались вновь, – меня ж теперь воспитывают... домой по часам... ни бухать, ни курить...

– Давно пора.

– В смысле?.. – Лена замерла от неожиданности.

– Ленка, ну, ты ж оборзела вконец! Я ещё в прошлом году хренела, когда ты зависла на сутки, а тебе, типа, «последнее предупреждение»! Блин, да мне б, знаешь, что было?..

Лене было не интересно знать, что было б Вике. Она, не прощаясь, нажала «отбой» и, сердцах, хотела совсем отключить телефон, но вовремя сообразила, что не имеет права даже на такую мелочь – вдруг отец захочет её проконтролировать?.. Вздохнула и пошла в ванную, прихватив аппарат с собой.

Под душем она стояла долго, продолжая накручивать себя, пока, в конце концов, ни пришла к печальному выводу, что лучшей подруги у неё больше нет.

...И катись в свой сраный Египет!.. После этого мысль перепрыгнула на другую тему. ...Отец, падла... ну да, гово-

рил пару раз, что пора меня пороть, но я ж думала, он шутит...

Лене очень хотелось объявить, что после случившегося, и родителей у неё тоже нет, но здравый смысл, незаметно пришедший на смену истеричным эмоциям, подсказал, что это не лучший вариант, несмотря на новые драконовские законы.

...Своих-то бабок у меня, правда, нет, и как жить, если мать перестанет спонсировать? Нет, их посылать нельзя; по крайней мере, пока. Придётся как-то приспособливаться. Блин, отец прав – я, как маленькая девочка. Будут теперь, типа, школьнице, выдавать сто рублей на гамбургер и маршрутку... ну, на прокладки ещё, раз в месяц. Хотя и расходы резко сократятся – сигареты не покупать, «Ягуаров» тоже...

Вытираясь, она чувствовала дискомфорт даже от прикосновений мягкого полотенца, поэтому решила: *...А, по фигу! Я, маленькая девочка, так что могу и голяком ходить!.. Тем более, дома все равно никого нет...*

Надев, взамен тесных шортов, юбку, после духоты и влажности ванной, Лена вышла на балкон. В руке не хватало привычной сигареты, но часть тела, находившаяся ниже спины, запротестовала против столь опрометчивого шага, и её доводы оказались более, чем убедительными. Вздохнув, Лена уставилась вниз. Нет, прыгать она не собиралась; даже мысли такой не возникло – она просто вспомнила, как раз-

влекалась, пытаюсь попадать «бычками» в крышку люка перед подъездом (к вечеру их там набиралась целая россыпь, что вечно бесило дворничиху). ...*Блин, как было классно! И обломалось за день...*

На соседний балкон, отделённый тонкой перегородкой из стеклблоков, вышел мужчина.

– Здравствуйте, Юрий Иванович, – механически произнесла Лена, но вместо ответа, сосед ехидно хмыкнул.

– Что, наконец-то взялись за твоё воспитание?

– С чего вы взяли? – Лена испуганно обдёрнула короткую юбку и отвернулась, пряча красные опухшие глаза.

– Так, весь двор твой «концерт» слушал.

...*Пунец!*!.. – дальше мысль не двигалась, но и её хватило, чтоб лицо Лены сделалось пунцовым.

– А я отцу твоему говорил, ещё когда ты в школе хвост стала распускать, но у него ж были гуманные методы. Светка моя, вон... один в один, как ты – гулять, говорит, буду до двенадцати, потому что все гуляют! И что? Ну, погуляла. Потом уроки стоя делала, и, знаешь, сразу стало не важно, чем другие занимаются – в десять дома, как штык, и не секундой позже! – говорил Юрий Иванович с таким отвратительным смаком, что Лена, проглотив очередное унижение, ушла обратно в квартиру.

...*Достали, блин! Тема дня!.. Ещё в «Новостях» общите! Тебе-то, вот, какое дело, козел?.. Воспитывай свою Светку! Ей тринадцать, а я, взрослая... хотя теперь*

и не поймёшь... – Лена всхлипнула, – блин, если весь двор слышал, сейчас подкалывать начнут... Достала из сумочки сигареты. ...Ну что, выбрасывать, что ли?.. И вдруг ей стало их безумно жалко – тонкая голубая пачка, вроде, протягивала нить между замечательной прошлой и ужасной нынешней жизнью. ...Пусть лежит. Я ж не курила. Если что, скажу, забыла – про хранение мы не договаривались...

Лена запрятала пачку на самое дно сумочки и подошла к окну, за которым шумел запретный с сегодняшнего дня, мир. ...Хорошо хоть каникулы... а учебный год начнётся – как я девкам объясню, почему большие никуда не хожу?.. Взрослая-взрослая, блин... довыдывалась, дура!.. Да нет! Никакая я ни маленькая девочка! Я могу запросто, например, выйти замуж и свалить от них, от всех! Эх, за Ника бы! И сдёрнуть в Москву, подальше отсюда!..

Утренний кошмар напрочь затмил замечательные события ночи, но неожиданно все вернулось; правда, вернулось как-то странно, будто взглядом со стороны. Получалось, вроде, и не она вовсе благодушно сидела на даче со стаканчиком виски, не она занималась сексом в джипе, не она, в восторге от новизны ощущений, курила абсолютно голой в свете луны, а потом мечтала дефилировать в клубе без трусиков. ...А последнее-то почти сбылось! – сообразила она и даже улыбнулась, – хорошо, Юрий Иванович не догадался!.. Блин, только совершенно не те ощущения, каких хотелось... все, как в том дурацком сне! – эта мысль внесла ещё большую

сумятицу, – но не бывает ведь, что сон не отличим от реальности?.. С другой стороны, тогда у меня тоже остались следы на руках... И что получается? Ни фига не понимаю... Кстати, сном или явью был вчерашний день легко выяснить, если Ник придёт в «Тануки»!.. Сейчас плюну на всё и рвану туда! Ага, и скажу, типа, я тут постою возле столика, а то меня воспитывать стали – сесть, вот, не могу. Ник, сука, как накаркал вчера...

Не, смех смехом, а если б он позвал меня, ей-богу, дёрнула б с закрытыми глазами! Только он же не позовёт. Любви у него никакой нет – это понятно, а без любви, на фиг, я ему нужна? У него таких, небось, пол-Москвы...

Просто свалить тоже некуда. Надо ведь не на день и не на два, а хотя бы на месяц, чтоб они подёргались, помучились; чтоб поняли, что дочь у них одна и нельзя с ней так обращаться, даже если она чуть-чуть провинилась. Блин, как назло, и общага летом на ремонте, а то можно было у девок перекантоваться...

Значит, все-таки замуж. Только за кого, если сидишь под замком? Отец же может закрыть меня хоть до конца каникул. Ему-то что? Скажет, типа, нечего болтаться – сиди, вон, книжки читай. Дура, блин! Вика, вон, сильно не нарываяется, так отдыхает в Египте, а мне теперь ходить по струночке... Я не хочу! Не хочу быть маленькой!.. Бросить, что ли, на хрен, универ и пойти работать? А куда, чтоб и хату снимать, и на жизнь оставалось?.. Нет, толь-

ко замуж! Из дома не выпускают, буду знакомиться в Интернете...

Вернувшись в комнату, Лена достала ноутбук и подошла к дивану, но там все ещё валялся ремень. В отсутствие отца, он не казался страшным, а, наоборот, выглядел жалким – старый, потрескавшийся, потерявший форму в местах, где его когда-то сжимали шлёвки. ...*Такая фигня, а как лупит...* – Лена сбросила его на пол; ремень развернулся и на внутренней стороне она увидела размазанную полоску чернил. ...*Блин!..* – схватила его, – *неужто тот, с дачи?.. этого... как его?.. Майора Ковалёва...* В чернильной полоске текст не читался, но чем дольше Лена изучала её, тем становилась уверенней, что ремень тот самый.

...Как же он сюда попал? – Лена перевела растерянный взгляд в окно, – отец притащил? Типа, намекнуть, что знает, где я была? Но откуда, если даже Вика не в курсе, где та дача?.. Нет, отец, вообще, отпадает – он бы не стал ждать до дома. С таким настроем вломил бы прямо там, и врачей не постеснялся. Интересно, они б заступились? Вряд ли. Все, суки, правильные; небось, сказали б ещё, что мало... как Вика...

Блин, но почему все так перекликается со сном? Может, это, правда, его продолжение? Меня ж тогда отец разбудил, и я не досмотрела его до конца! Точно, проснусь, и все останется по-старому! А сон, типа, предупреждение, чтоб немного прищемила хвост! О, классно было б! Как проснусь,

сразу позвоню Вике – поржём вместе (это ж она во сне такая тварь), а потом по «Ягуару» и в «Отвёртку»! Крутые загулы прекращу; бухать... ну, только чтоб, как вчера, а не как позавчера; курить, вот, не брошу... Блин, но какие сны у меня стали реальные! Раньше ведь совсем ничего не снилось...

Искать женихов расхотелось – надо было поскорее заснуть, чтоб потом проснуться, как перед экзаменом; Лена легла на живот и подсунув руку под щеку, закрыла глаза.

Проснулась она в темноте, но чтоб понять, что ничего не изменилось, потребовалось лишь чуть повернуться. Попа, правда, болела меньше, что радовало, но сама ситуация-то осталась прежней – она так же находилась под арестом и установленные запреты так же продолжали действовать. От разочарования Лена заплакала, но совсем тихонько, уткнувшись в подушку.

Однако расставаться с надеждой, даже самой сумасшедшей, непосильно трудно, поэтому она все равно думала: ... *Но что-то же есть! Я хожу по краю чего-то, только не могу понять, чего именно. Ведь я реально валялась связанной на той даче, и ремень зачем-то переместился сюда, хотя у отца своих куча. Как-то все связано... Надо обязательно попасть туда ещё раз – покопаться в тряпье, перетряхнуть кровать; подсказка должна быть – не просто так это!.. И попасть надо быстро, ведь если Ник дачу продал, её могут*

сразу снести. Блин, что же делать?.. Нет, можно, конечно, ни в чём не разбираться, а тупо подчиниться, стать примерной девочкой... – от этой мысли внутри все сжалось, будто Лене предстояло умереть, а взамен родится другой, чужой человек, который будет вести абсолютно пустую, чуждую ей жизнь. ...Не хочу! Может, когда-нибудь я стану такой, как они требуют, но сейчас я хочу гулять, хочу делать то, что мне нравится: и бухать, и курить, и тусоваться до утра, и трахаться с кем захочу!.. Интересно, сколько сейчас времени?..

На цыпочках Лена прокралась к выключателю. Вспыхнул свет; в первую секунду она зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела, что ремень с пола исчез, а ноутбук перебрался на стол. ...*Не, это не чудо; точняк, отец заходил, проверял. Воспитатель хренов...* Она взглянула на телефон. ...*Ноль часов пятнадцать минут. Если он завтра едет в командировку, то уже спит – за ним всегда в шесть утра приезжают. Блин, почему он всегда ездит одним днём? Свалил бы на неделю – глядишь, таких материалов нарыл для своей вишивой газетёнки!.. За один день чего он там увидит?..* Прокравшись по коридору, Лена первым делом зашла в ванную и повернувшись спиной, задрала юбку – ужасный малиновый цвет сменился насыщенным красным, кожа стала ровнее. ...*Такими темпами через пару дней, глядишь, и пройдёт... ага, если не схлопочу ещё! Хотя пока я под арестом, вроде, не за что. Нет, с такой жизнью надо кончать и по-*

*скорее. Я так долго не смогу... я ж хотела в Интернете по-
лазить, насчёт женихов!..*

Аккуратно, чтоб не шуршать, Лена прихватила на кухне пакет чипсов и вернулась в комнату. Взяв ноутбук, осторожно опустилась на диван и с радостью обнаружила, что, хотя неприятные ощущения остались, но на мягкой постели вполне можно сидеть.

...Поставим вопрос конкретно, – она набрала «Быстро выйти замуж». Первый же сайт гласил: «Окольцевать мужчину в один приём», – О! Как раз в жилу! И что тут?.. Первое – забеременеть. Ха! Вот это не надо! Ребёнок мне, точно, не нужен! Второе – купить. Если мужчина неравнодушен к материальным ценностям... – начала читать Лена, попутно бросая в рот чипсы, – а они у меня есть, ценности? Кто б меня саму купил! Третье – давление родственников. Класс! Только надо сначала им понравиться. Это ж программа года на два! Так, четвёртое – действовать от противного. Надо не показывать мужчине, что вы хотите замуж, и это заденет его самолюбие... Мне надо, чтоб он забрал меня, а я буду в игры играть?.. Пятое – гражданский брак. Блин, так я согласна! Жених-то где?..

Дальше шла просьба зарегистрироваться и оставить комментарий. ...*Это всё?* – Лена была разочарована, – *козлы! Хотя, что я хотела? Бесценный совет? Блин, придётся лезть на сайты знакомств. Только это завтра...*

Она щёлкнула «мышкой», и на экране возникло бескрай-

нее море, лёгкие облачка над ним и далёкий-далёкий корабль. Картинка стояла в ноутбуке изначально, но Лена не стала её менять на какую-нибудь модную заставку.

Сама она бывала на море три раза – первый, очень давно, и какой он, город Сочи, помнила плохо, зато Анталья, куда родители её брали в восьмом и девятом классе (два года подряд), как живая до сих пор стояла перед глазами. ...*Эх, отпустили б меня одну, как Вику!.. Но теперь такое счастье мне, сто пудов, не светит,* – Лена выключила ноутбук, чтоб не травить душу, – *надо спать, а то завтра делать будет нечего,* – она погасила свет и легла.

Её сознание и подсознание отдельно друг от друга выбрали ночные темы. Если сознание, ориентируясь на завтрашний день, пыталось заняться прикидками, кого надо искать в Сети, чтоб прожить с ним не месяц, а хотя б несколько лет, то подсознание, желая дать отдых после сегодняшних кошмаров, выбрало более приятную тему, и засыпая Лена слышала крики чаек и шум волн; вроде, компьютерная картинка, застряв в памяти, ожила. Причём, не просто ожила, а изменился ракурс, и оказалось, что море совсем не бескрайнее – вдали виднелся берег с утопавшими в зелени виллами, за которыми поднимались белые небоскрёбы. Откуда в воображении возник город, неизвестно, но душа Лены стремительно понеслась навстречу чуду.

Перемещение заняло мгновение, и она оказалась среди множества весёлых людей, заполнявших бары и клубы; ото

всюду слышалась музыка – в общем, именно так Лена представляла рай, а вовсе не скучным садом с поющими птичками, кучей ручных животных и двумя бородатыми охранниками у ворот. Буйство веселья захватило её, и, кроме него, ничего конкретного от сна потом не осталось.

Возвращаться из рая (как и любому нормальному человеку) Лене не хотелось, поэтому даже проснувшись, она лежала с закрытыми глазами, пытаясь удержать неумолимо растворявшееся в солнечных лучах, видение. Но тут «заступило на вахту» сознание, и быстро объяснило своей хозяйке, что пора заниматься делами.

С сожалением вздохнув, Лена встала; убедившись, что отца нет, она ощутила кусочек призрачной свободы, которую очень скоро непременно превратит в реальную, но только не сегодня – сегодня ещё надо готовить для этого почву.

Умывшись и позавтракав, Лена открыла ноутбук; любуясь морем, она попыталась решить, что может значить последний сон, исходя из теории Ромыча. *...Как он говорил? Кажется, сон – это реальность, которой ещё нет... Блин, но, значит, будет!..* Воодушевлённая, она вошла в Сеть.

Сначала Лена, действительно, вчитывалась в содержание объявлений, внимательно изучала лица мальчиков, парней и мужчин, предлагавших «дружить», «общаться», «строить отношения», «трахаться», но скоро все они смешались в единый образ, который ей не слишком нравился.

Были, правда, ещё иностранные дядечки, которые звали,

именно, замуж, но Лене казалось, что все они врут. Даже снимки на фоне шикарных коттеджей не впечатляли – они выглядели явно продукцией фотошопа.

Убив пару часов, она подумала: ...*Как-то не так я устроена. Другим достаточно рекламы, а я, как Станиславский – не верю! Того же Ника я видела первый раз в жизни, но поехала с ним, потому что он настоящий – подошёл, заговорил, а эти фотки... похоже, на сайтах собираются жулики или неудачники, вроде, меня. Но я-то девушка, а они, мужики! Они ж всегда могут найти партнёршу живую; брехня все это, что им некогда знакомиться, что они по уши в своём «великом» бизнесе. Может, конечно, и есть один такой на миллион, но не настолько я везучая. А что получится из союза двух неудачников? Да придётся через месяц возвращаться домой, а тогда меня, вообще, посадят на цепь! И что же делать?..* Лена будто видела огромную чёрную загогулину знака вопроса, и чем дольше смотрела на неё, тем больше злилась на себя. ...*Нет, выход в чем-то другом, – пришла она к выводу. Загогулина растаяла, и на её месте образовалась пустота, что было ничуть не лучше.*

...*Надо все-таки разобраться с дачей Ника, со снами... Кстати, может, город на берегу тоже что-то значит?.. Ромыч ведь доказал, что сны – это реальные знания, в отличие от социальных сетей, напичканных всякой хренью, – Лена закрыла, разочаровавший её ноутбук, – если следовать этой логике, последний сон означает, что я куда-то должна*

переехать... но я уже не хочу куда-то! Я хочу именно в тот город! Он мне понравился! И если существует дача Ника, то и он должен существовать... нет, все равно начать надо с дачи, пока её не снесли!.. Блин, отец тут с его долбанным арестом! Знать бы, когда он вернётся, я б смоталась побыстрому – никто б ничего не заметил...

Очень хотелось курить, но Лена боялась быть пойманной на месте преступления. ...*Дура! Не спросила, куда он едет! Ну, почему умные мысли всегда приходят слишком поздно?..*

В это время в замке повернулся ключ. ...*Вот и он, падла! Небось, вообще никуда не ездил, а решил проверить, что я буду делать, сука! Но я, молодец!..* Лена вышла из комнаты, демонстрируя, что уже стала примерной девочкой, но вместо отца, увидела мать. ...*Точно! Она ж сегодня возвращается!..*

– Мам, привет, – Лена остановилась, не зная, как держать себя после всего случившегося.

– Ой, Леночка, ты дома? – тон матери был таким, будто ничего не произошло. Лена сначала даже подумала, что, возможно, она ничего и не знает, но оценивающий взгляд говорил об обратном.

– Куда ж я денусь? – Лена вздохнула, – я под арестом.

– Ну, – мать развела руками, – сама виновата. Отец-то как, ничего? А то, когда звонил, ох, он собирался драть тебя.

– Так и выдрал... ещё как – ремнём, – Лена опустила глаза.

– Лен, конечно, это непедагогично, но мы, честно, уже

не знали, что с тобой делать. Сколько пытались поговорить по-хорошему – ты ж не слушаешь, – говорила мать, скорее, жалея, нежели строго, поэтому Лена решила, что если ей подыгрывать, можно добиться значительных послаблений режима.

– Мам, я больше не буду так себя вести, – она размазала две выдавленные воспоминанием о вчерашнем дне, крошечные слезинки, – прости меня, пожалуйста.

– Доченька! – мать в полном восторге прижала её к себе, – ты ведь теперь будешь хорошей девочкой, правда?

Лену так и подмывало сказать: – Пока придётся; куда ж от вас, тварей, денешься? Но вслух сказала:

– Правда...

– Ну и слава богу! – мать, никогда не верившая в Бога, перекрестилась. На её лице было написано счастье, и она принялась целовать дочь, тычась губами в её лицо, но Лене эти ласки быстро надоели.

– Мам, – она отстранилась, – ещё я историю на четвёрку сдала, так что сессия без троек!

– Ой, молодец! – настроение матери было на пике, и Лена прижалась к её плечу, как всегда, когда хотела подлизаться.

– Мам, – она сделала невинный взгляд, – я ж не вечно буду наказана, правда? Каникулы все-таки...

– Это ты к чему? – насторожилась мать.

– Денежек дашь?

– Да. Ты ж теперь не будешь их тратить на вино и сига-

реты?

– Конечно, нет.

Откуда взялась следующая, совершенно гениальная мысль, Лена и сама не знала – наверное, если сознание долго бьётся над какой-нибудь проблемой, то, в конце концов, приходит озарение.

– Мам, я в кино хочу сходить. Там классный фильм сегодня последний день идёт... – больше всего Лена боялась, что мать спросит – какой фильм, но она спросила совсем другое:

– Точно, в кино? Не с Викой опять забуритесь?

– Мам! Ну, ты что? Я ж обещала! Тем более, и Вики нету – она в Египет отдыхать улетела.

Судя по выражению лица, мать находилась на распутье, и Лена решила бросить очень сильный козырь.

– Честно! Хочешь, дам телефон её родителей – сама спросишь!

Мать даже растерялась – сколько она просила этот телефон, чтоб координировать действия, но Лена всегда врала, что не знает его, а тут сама!..

– Перестань, не буду я никуда звонить! – она достала перетянутую резинкой пачку.

...Блин, мне б столько! Меня б завтра тут не было! Но не воровать же у родителей – это совсем запахло!..

– Сколько тебе дать?

– Как договаривались, – Лена чуть прикусила губу. Этот жест был хорошо отработан – в такие моменты она станови-

лась самым воплощением добродетели, – десятку за сессию и карманную десятку... сейчас же один билет в кино под три сотни.

– Ладно, – мать отсчитала четыре пятитысячных купюры.

– Мам, так можно в кино сходить?

...Блин, кто б видел! В кино средь бела дня отпрашиваюсь! Вообще, пипец!.. Реально опустили на уровень пятиклассницы!..

– Ну, сходи, – голос матери был неуверенным, – только, – она посмотрела на часы, – не позже пяти, чтоб вернулась, а то получается – отец тебя сажает под арест, а я отпускаю в кино; он мне такой разнос устроит!

– Конечно, мамочка! – на радостях Лена чмокнула её в щеку.

– Смотри, и без глупостей, – мать погрозила пальцем, – лично я верю, что ты исправилась. Пойду, ванну приму с дороги, а ты не забудь – в пять дома!

– Да, мам! – Лена решила стать не просто «хорошей», а идеальной девочкой, поэтому добавила, – ещё я не должна отключать телефон, чтоб папа мог меня контролировать, но в кино ж, сама понимаешь – там положено. Ты предупреди его, а то опять ведь накажет.

– Леночка, милая, – мать всплеснула руками, – ну, не надо делать из нас монстров!..

...А кто ж вы, блин, есть?.. Лена скрылась в своей комнате. Обычно она наводила макияж с самого утра, но кто мог

подумать, что это потребуется во время ареста?

«Плавала» мать всегда долго, но Лена спешила побыстрее уйти, поэтому закончила «нанесение черт лица» в рекордные десять минут; переоделась, сунула в сумочку одну из полученных купюр и выскочила на улицу.

...Блин! Оказывается, как это здорово – свобода! Только сидя под арестом можно оценить! Даже воздух, вроде, другой!.. От удовольствия она закрыла глаза, но неожиданно услышала сзади:

– Привет!

Обернувшись, Лена увидела вышедшую из подъезда, Светку, дочку Юрия Ивановича.

– Лен, – девочка хитро прищурилась, – а, правда, чего отец сказал?.. Ну, типа, вчера тебя отлупили не хило?

...Сволочь, – ощущение свободы вмиг исчезло, — со всех сторон обложили! Надо срочно сваливать – жизни тут всё равно не будет...

– Не, я ему не поверила, – продолжала Светка, – да и Анжелка говорит, что взрослых девушек ремнём наказывают только понарошку – типа, «ролевые игры» такие, но отец говорит, что ты орала на всю улицу, и никакие это были не игры...

Лена почувствовала, как кровь приливает к лицу. *...Липец!.. И Анжелка в курсе – теперь и соседний двор узнает!.. А дальше, весь микрорайон!..* Она готова была убить Светку, но, сам собой, нашёлся лучший ход.

– Слушай сюда! – она притянула девочку за вырез футболки, под которой ещё даже не было лифчика, – это мои проблемы, поняла? А будешь трепаться, учти – я знаю, где ваша компашка пиво берет, и где вы его бухаете!

– И что? – Светка засмеялась, – оно ж безалкогольное.

– Ещё я знаю, где Кузнецов тебя тискает – за гаражами на ящиках, точняк? Вот, на телефон сфоткаю, как он лезет к тебе под юбку, а ты тащишься, и выложу Юрию Ивановичу!

– Лен, ты чего? Не надо! – на этот раз Светка реально испугалась, – Лен! – её глазёнки забегали, – я больше про тебя никому-никому, честно! Только не закладывай... ну, Лен, – Светка робко взяла её руку, – хочешь, я Анжелке скажу, что все выдумала? Типа, решила по глупому тебе отомстить, а на самом деле ничего не было. Я, правда, так скажу, только отцу не надо...

– Посмотрим, – оставив Светку мучиться неизвестностью, Лена пошла дальше. Вспоминая разговор на балконе, она ощутила внезапную эйфорию – хоть кто-то оказался в её власти, и можно, отрешившись от вчерашнего ужаса, вернуться на своё законное взрослое место.

Светка кинулась следом и забежав вперёд, неумело прижалась к Лениной груди.

– Лен, – она шмыгнула носом, – ну, чего тебе за радость, если мне влетит? Не надо, а?.. Я что хочешь для тебя сделаю!

– Неужто, что захочу? – Лена не представляла, чем тринадцатилетняя девочка может быть ей полезна, но слезы, сто-

явшие в Светкиных глазах, делали её такой беззащитной, что стало жаль отдавать её на жестокую расправу. В принципе-то, она была неплохой девчонкой, и с Кузнецовым у них, вроде, как любовь, а то, что разболтала подруге... и тут Лене пришла мысль, которая мгновенно урегулировала все проблемы: ...*Да какая разница, кто чего разболтал – я ж скоро свалю отсюда!*..

– Ладно уж, – она картинно махнула рукой, – я сегодня добрая, поэтому не буду ничего фоткать.

– Лен! – Светка просияла, – я, прям, сейчас Анжелке скажу, что все наврала! Хочешь, пойдём вместе – я при тебе скажу!

– Некогда мне, – Лена посмотрела на часы – почти полчаса свободы уже бездарно прошли, – дел по горло, – и улыбнувшись, направилась к остановке, ведь ни в какое кино она не собиралась – она собиралась на дачу Ника.

*

Идти пешком от маршрутки было совсем не то, что ехать в машине. Лена не учла этого надев босоножки, и теперь через каждые десять метров останавливалась и смешно дрыгала ногой, вытряхивая песок. Благо, смеяться было некому – дачи выглядели такими же мёртвыми, как и прошлый раз.

Правда, чуть позже выяснилось, что это не совсем так – невдалеке послышался звук бензопилы и не слишком трез-

вые голоса; хотя Лена никого не видела, но испугалась. ... *Блин, сейчас затащат в любой дом, трахнут и закопают. И не докричишься ни до кого, – она вспомнила, как звала на помощь во сне, – да уж, когда рядом Ник с «пушкой», как-то спокойнее...*

Тем не менее, поворачивать назад она не стала (неизвестно ведь, когда следующий раз удастся вырваться на свободу), а просто пошла быстрее, не глаза по сторонам и уже не обращая внимания на песок, неприятно тёрший маленькие пальчики с ярким педикюром.

Возле дачи Ника не было ни старых хозяев, ни новых; воровато оглядевшись, Лена проскользнула внутрь и сразу подошла к вороху одежды – брюки так и лежали сверху и в них был вставлен «именной» ремень! ...*И как это понимать? Получается, у Ковалёва их два, подписанных? В принципе, возможно, но тогда должна существовать связь между ним и отцом? Или отца с этой дачей? Или меня с дачей, а через Ковалёва...* – вопросы не успевали формулироваться, но Лена и так понимала, что ни на один из них ответов у неё нет.

Присела на кровать и инстинктивно достала припрятанные в сумочке сигареты. ...*Да черт с ним! Зажую жвачкой, как в школе...* Чиркнула зажигалкой; затянулась, ощутив приятное головокружение. ...*Ни фига! Курить я не брошу, не надейтесь!..*

Связано это было с поступлением в мозг никотина или

нет, но когда она наконец втёрла «бычок» в грязный пол, внезапно пришла замечательная идея: ...А если забрать ремень и сравнить с тем, что у отца? Или если это один и тот же, способный перемещаться в пространстве, значит, у отца его не будет! Или он исчезнет у меня, но тогда я увижу, как все происходит!.. Блин, как интересно...

Лена вытащила ремень из брюк и задумалась. ...Мало мне одного, второй ещё притащу!.. Да нет, больше отец не будет меня бить – даже если что, мать заступится. Главное, к пяти успеть, – она посмотрела на часы, – о, ещё только час! Сто раз успею!.. Свернула ремень в тугой рулон, но, когда засунула в сумочку, та уродливо раздулась. ...Не, на фиг он не нужен. Лучшие просто пометить его... Нашла на кухне здоровенный гвоздь и изуродовала им самую крайнюю дырочку. ...Во, теперь сразу все будет понятно, — отшвырнула ремень в угол, – так, что тут ещё прикольного?.. Уже не брезгая испачкаться, Лена принялась копаться в одежде, но не нашла ничего достойного внимания. Оглядев комнату, легла на кровать, просунув руки и ноги в прутья грядущки. ...Да, так все и было; и как это можно объяснить? Всему ведь есть объяснение!..

Лежала она минут пять, надеясь, что, как бывает в кино, реконструкция событий откроет нечто не замеченное ранее или неосознанно забытое, но ничего не открылось и не вспомнилось. Лена села, думая, не покурить ли на дорожку, когда совсем близко возник звук двигателя. Она за-

мерла, а когда хлопнули дверцы, её охватил ужас.

– Вот, смотри, – слышался мужской голос, – это мой первый участок. Сюда пока материалы и завози.

– Понял, – ответил другой голос.

– Когда начнёшь?

– Завтра. Чего тянуть, если погода позволяет?

– Едем дальше.

Снова хлопнули двери, и урчание двигателя стало удаляться. Лена подождала минуту; вернее, как подождала? Просто к ней вернулось ощущение реальности. ...*То есть, завтра было б поздно, а я успела... только, вот, что успела, хрен его знает... Ладно, валить надо!..*

Она выскочила из домика и перебежала на дорогу. ...*А тут я уже имею право гулять, и никто мне этого не запретит!.. Свободная гражданка свободной страны – гуляю, где хочу...*

Не спеша Лена пошла к остановке, но метров через пятьдесят увидела чёрную «Ауди». ...*Да что ж так не везёт! То никого не было, а тут понаехали!..*

Возле машины, глядя на очередную полуразвалившуюся дачу, беседовали двое мужчин.

...*А тачка-то, как та, на которой к Нику приезжал покупатель... блин, а это он и есть!.. Тогда не буду прятаться – он же меня знает...*

– Добрый день, – Лена остановилась у машины.

Мужчины обернулись.

– О, знакомые лица! – Покупатель действительно узнал её, – вы Никиту Сергеевича ищите? Так он участок продал и уехал.

– Жаль, – экспромты у Лены всегда получались, поэтому она демонстративно вздохнула, – а я думала, может, не продал. Мои родители тоже захотели его купить.

– Зачем? – Покупатель искренне удивился, – водоёма тут нет, город наступает – чего хорошего? Относительно дёшево – я понимаю, но для отдыха-то не лучшее место.

– Зато близко, – Лена продолжала игру, не имевшую логического завершения, – добраться можно без машины.

– Только-то и всего? – Покупатель был явно разочарован, – вы на маршрутке приехали, да? Может, вас в город подбросить?

– Я б с удовольствием...

– Коль, короче, ты понял, – Покупатель повернулся к будущему строителю, – надо поднять в Комитете по имуществу документы, найти хозяев и уговорить. Больше уговоришь, больше заработаешь.

– Никогда оформлением таких бумаг не занимался, но попробую.

– Попробуй. Я понимаю, для прораба это сложно – тут надо больше двух извилин и подвешенный язык, но что делать?.. Ладно, поехали отсюда. Садитесь, девушка, – Покупатель открыл перед Леной заднюю дверь.

...Как-то он сразу ко мне проникся – типа подвезти... –

подумала Лена, – *а бабла там, небось, тоже куча! Интересно, жена у него есть? Не, а кто мне мешает познакомиться? Может, через пару дней отец снимет арест – за примерное поведение даже из тюрьмы условно-досрочно освобождают, и можно будет...*

– Извините, не знаю, как вас зовут, – сказала Лена, когда они выехали на асфальт, – курить у вас можно?

– Зовут меня – Владимир Алексеевич, а курить можно, – он и сам достал сигареты.

– Владимир Алексеевич, – Лена затянулась, – я, может, лезу не в своё дело, но у моих знакомых тоже здесь дача. Они давно на неё не ездят и...

– А что ж твои родители у них не купят?

– Она в самом конце – туда идти, блин... Если вам это без разницы, могу поговорить.

– Да? – Владимир Алексеевич взглянул в зеркальце и улыбнулся, – поговори. Договоришься, получишь хорошие комиссионные. Как тебя зовут?

– Лена.

– Возьми, Лена, – не оборачиваясь, он протянул визитку, – если будут положительные новости, звони.

...Комиссионные... Вот и работа с нормальными бабками! – Лена, не глядя сунула визитку в сумочку, – *не оформлял он бумаги – а, вроде, я оформляла; пробовать надо! Не знаю, правда, где тот Комитет по имуществу, но выясню. А то нашли, блин, маленькую девочку!.. Да я скоро буду*

зашибать больше, чем ты в своей газетёнке!..

– Лен, тебе куда? – Владимир Алексеевич, прервал радостное течение мысли.

– В центр. Где вам удобнее, – Лена посмотрела на часы. *...Клёво! У меня ещё почти три часа!..*

«Центр», естественно, был большим, но, по стечению обстоятельств, выбранный Владимиром Алексеевичем маршрут, пролегал мимо их с Викой любимого кафе. Было ли в этом нечто предопределённое или нет, но Лена воскликнула:

– Ой, здесь остановите, пожалуйста!

Вильнув к тротуару, «Ауди» остановилась.

– Леночка, желаю успехов.

– Счастливо, конкурентка, – засмеялся строитель Коля.

«Ауди» поехала дальше, а Лена осталась. *...И что? «Ягуара»? – подумала она, ощущая жуткий подъем от полученного предложения, – баночку-то можно – это ж новыми законами не запрещено; заодно жвачку куплю... блин, ну совсем, как школьница!.. Ничего, скоро я вам утру нос, дорогие родители, и свалю, на фиг, от вашего грёбанного воспитания!..*

Купив коктейль, Лена с удовольствием сделала пару глотков. *...И кто там мой босс? – достала визитку... и замерла с открытым ртом, – блин! Ковалёв Владимир Алексеевич!.. Нет, но это ж не хозяин ремней! Тот реально бомж, а это крутизна!.. А если?..* — вот, после «если» зияла пустота,

и Лена поняла, что поездка ничего не решила, а лишь добавила вопросов.

...Да и черт с ними! – она бросила в урну быстро опустевшую банку и закурила последнюю, на неопределённый срок, сигарету, – *зачем мне на них отвечать? Объявлю предкам, что нашла работу на лето – буду утром уходить, вечером возвращаться; найду этот Комитет, и все будет в ёлку...*

Докурив, она сунула в рот сразу две мятных пластинки и направилась к остановке, но на полпути остановилась. *...О, я сейчас предков вообще уделаю! Я им покажу, как исправилась!..* – мысль всколыхнулась, подстёгнутая «Ягуаром». Лена свернула к развлекательному комплексу, на помпезном фасаде которого пестрели рекламы всех восьми его кинозалов.

...Хоть что-нибудь приличное-то идёт? – она остановилась и в это время из высоких стеклянных дверей вышли две девушки. Они весело болтали, а проходя мимо урны, небрежно бросили в неё красивые фирменные билеты. *...Блин, теперь ещё и по урнам лазить придётся!* – воровато оглянувшись, Лена выхватила лежавший сверху билет и не останавливаясь, пошла дальше.

Пройдя десяток метров, достала добычу. *...О, «Пираты Карибского моря»!* На классный фильм тянет, – сунула билет в сумочку и с чистой совестью вновь двинулась к остановке.

Домой Лена приехала без четверти пять; открыв дверь, увидела туфли отца, но не испугалась.

– Мам! Пап! Это я!

– Как фильм? – донёсся из кухни голос матери.

– Там Джонни Дэпп такой клёвый!

– Пользуешься, значит, добротой матери? – голос отца был полушутливым, и Лена улыбнулась.

– Пап, я ж исправилась. Мама меня до пяти отпускала, а сейчас без пятнадцати. И вот ещё, – она полезла в сумочку, – даже не выбросила, для отчёта.

Отец взял билет, больше напоминавший открытку, повертел в руках, не зная, что с ним делать.

– Молодец. Что я могу ещё сказать?

И тут он совершил то, чего Лена никак не могла ожидать – открыл её сумочку, чтоб сунуть билет обратно.

– А это что? – он достал лежавшие прямо сверху сигареты, – Марин, иди сюда!

Все произошло настолько неожиданно, что Лена обмерла, лишь судорожно сглотнув слюну.

– Что случилось? – испуганная мать выглянула из кухни.

– А вот что! – отец потряс перед ней пачкой, – говоришь, она исправилась, да? Дня не прошло!..

– Леночка, – мать растерялась не меньше дочери, – ты же мне утром обещала...

Спорить не имело смысла, ведь жвачка – это защита от непредвзятого «нюхателя», а если знаешь, что ищешь...

– Пап, я только одну... – пролепетала Лена, проклиная собственную беспечность.

– Мне ты как вчера обещала? «Если я закурю...»

– Папочка, я больше не буду!..

– Это я уже слышал, но, похоже, ничего не изменилось.

И пришла ты рано, потому что Вика в Египте, а иначе б опять!..

– Нет, правда!

– Да не верю я тебе! Вся изовралась!

У Лены была всего минута, чтоб найти какие-то уникальные слова, но она их не нашла – отец вернулся с ремнём; вчерашним или сегодняшним – Лене было не до деталей.

– Нет, пожалуйста! – у неё хлынули слезы, – честное слово, я никогда-никогда не закурю! Я сейчас выброшу все сигареты!..

– Сначала ты получишь то, что заслужила.

Лена представила, что будет с её задом, на котором ещё не прошли следы предыдущей экзекуции, и поняла, что не выдержит; в чем это будет выражаться, она не знала, но не выдержит, и все тут. Наверное, на её лице был ужас, потому что вступилась мать:

– Саш, ну, последний раз прости её.

– Марин, девочка должна усвоить, что кара неотвратима, иначе всё и будет продолжаться...

– Нет! Не будет! Я обещаю!.. – дальше из Лены полился неконтролируемый поток слов, вперемишку с рыданиями.

– Саш, у девочки истерика. Может, не надо?.. – но голос матери звучал не настолько уверенно, чтоб изменить ситуацию.

– Она каждый день будет истерить – артистка ещё та! – возразить матери было нечего, и отец снова обратился к Лене, – нечего рыдать! Скажи, мы договаривались?

– Договаривались... но, пожалуйста...

– А раз договаривались, иди сюда! После решишь, стоила того одна сигарета или нет! Кстати, арест я продляю до конца месяца, так что времени подумать будет достаточно! Марин, слышишь! Никаких поблажек! Пусть учится готовить, стирать, ежедневно вылизывает квартиру, а то ни черта не умеет!.. Ноутбук я тоже конфискую, чтоб и днём занималась делом, а не торчала в Сети!

Пока длился этот монолог, Лену охватывал все больший ужас – нет, такая жизнь ей не нужна; то есть, вообще, не нужна! Благо, сейчас она не была связана, поэтому заскочила в свою комнату и захлопнув дверь, повернула стопор на ручке; прижалась к двери спиной. Тело содрогалось от рыданий, и это был уже не страх наказания – это было гораздо глубже и серьёзнее, ведь если жизнь не нужна, то с ней надо расстаться и не мучиться дальше. Такое решение, будто расколело сознание надвое – с одной стороны, оно являлось единственно правильным, но, с другой, было безумно жаль ещё не прожитой жизни, ведь в ней могло произойти столько всего хорошего!

Возможно, это желание хорошего все-таки перевесило б, если б отец не принялся дёргать ручку.

– Открывай немедленно! Хуже будет!

– Саш, я запрещаю бить её! – голос матери явно окреп, – с ней надо поговорить!

– Поговорить? Да она ж мне слово дала! О чём с ней говорить? Каждый день буду пороть, пока не исправится! Елена, слышишь? Открывай по-хорошему! – он стучал в дверь, но Лена заткнула уши.

...Я не буду так жить! Не буду! Не буду!.. Они ещё пожалеют! всю жизнь будут мучиться, что у них больше нет дочери!.. Она выбежала на балкон. ...Сейчас прыгну, и пропади оно пропадом! А их посадят за доведение до самоубийства!..

Лена перенесла ногу через перила, глянула вниз...

– ...Лен, ты куда? Не надо!

Она механически повернула голову и совсем рядом увидела перепуганное Светкино личико. В следующую секунду девочка, высунувшись за перегородку, схватила её за руку.

– Ленка, ты классная! Ты самая красивая!.. Не прыгай, пожалуйста. Не надо, Леночка!

Искренний детский голосок привёл её в чувство. Лена ещё раз глянула вниз и ужаснулась высоты, с которой два мужика, беседовавших у подъезда, выглядели натуральными лилипутами. Инстинктивно убрала ногу обратно на балкон.

– Леночка, – Светка гладила её по руке, – ты классная...

я всё слышала... мы что-нибудь придумаем...

Ничего, конечно, придумать было нельзя, но как-то все сложилось одно к одному – за дверью стихли угрозы, руку её гладили маленькие ласковые пальчики, а голос говорил такие хорошие слова. Лена чувствовала, как возвращается из небытия, в которое чуть не ринулась сгоряча. Слезы ещё лились, но сознание вышло из ступора когда совершаются все безумные поступки, и она поняла, что хоть и не хочет жить так, как требовал отец, но и умирать тоже не хочет.

– Это кто ж придумает? Ты? – она даже улыбнулась.

– Да я знаешь, какая хитрая! – поняв, что самое страшное позади, Светка радостно засмеялась, – например, если тебя закроют дома, можешь выходить через меня и так же возвращаться. Смотри, берёшься здесь, – она показала на щель в стеклоблоках, – переносишь одну ногу; потом держишься за перила, и вторую. Я Анжелку научила, так теперь, если её гулять не пускают, она все время через Катьку Смородину уходит.

– Если я так уйду, меня, вообще, убьют...

– Не убьют. Родители своих детей не убивают. А чтоб не лупили, знаешь, что делай? Перед тем, как они придут, ложись спать. Бьют ведь когда? Ты, вот, что-то натворила – они злые; ну и начинают ремнём махать. А если ты спишь, они ж не будут будить тебя? Не будут. А за вечер перетрут между собой, успокоятся. Я всегда так делаю, если должно влететь.

Идея выглядела по-детски наивной, но, во-первых, у самой Лены не было и такой, а, во-вторых, эта забота странным образом остановила потоки слез и возвратила надежду на лучшее; пока неизвестно какое, но лучшее. Лена всхлипнула последний раз и коснувшись Светкиной щеки мокрой ладонью, улыбнулась.

– И что, всегда помогает?

– Ну, почти... – Светка вздохнула, – не помогает, знаешь, если мать с отцом заодно, но для этого надо такое натворить!.. Типа, как в прошлом году я ночью домой явилась, да ещё пива с пацанами дёрнула – ох, отец мне тогда дал!.. Но за тебя ж мать заступается – я слышала. Она уболтает, если дать время...

– Не, – Лена покачала головой, – у меня такой трюк не пройдёт. Когда человек притворяется спящим, у него все равно веки дрожат. Отец сразу вычислит.

– Да?.. – Светка задумалась и вдруг хлопнула себя по лбу, – блин! А, хочешь, принесу таблетки, чтоб ты спала по-настоящему? Матери в своё время прописали. Крутенные, блин! Вырубали её на раз! Сейчас она их уже не пьёт, а пузырьёк почти целый – она даже не заметит.

...Да-да! Мне, действительно, лучше вырубиться, – решила Лена, – иначе сойду с ума от одной мысли, что рано или поздно придётся открыть дверь. Тогда уж отец не повторит ошибки – опять привяжет куда-нибудь... Может, все-таки прыгнуть?.. Нет, раз не прыгнула сразу...

но жить-то как? До конца месяца три недели! Что, безвылазно сидеть дома и пахать, как Золушка? Какая, блин, Золушка – рабыня! Золушку не били...

– Тащи! – Лена махнула рукой.

– Я мухой! – Светка исчезла, а Лена подумала: ...*Я-то, дура, смеялась, когда она сказала, что пригодится мне, а вот ведь!.. Кстати, и выход на волю теперь есть, если найду, куда свалить. В принципе, у меня денег, почти двадцать штук; махну, например, в Москву! Сколько девок приезжают и устраиваются, и карьеру делают. Я – красивая, не самая тупая...*

– Вот, – появившаяся Светка оборвала конструктивную мысль, – держи, – протянула голубую капсулу, вместе со стаканом воды, – запей. Потом, когда проснёшься, если чего потребуется, в стенку стучи – тут как раз моя комната.

– Спасибо, ты – настоящий друг, – Лена выпила снотворное. Его действия она не знала, поэтому на прощанье подмигнув Светке, ушла в комнату, легла и закрыла глаза.

Все мысли она попыталась изгнать (иначе её б не взяла никакая таблетка), и каким-то чудом это удалось. Лена погрузилась в благостный покой, где не было ни отца с матерью, ни балкона, притягивавшего простотой решения всех проблем, ни даже заботливой Светки – не было вообще ничего, только чуть позже бледный матовый свет нарисовал на стене чёткий прямоугольник. Лена долго смотрела на него, пока не сообщила, что так невидимая луна светит в окно.

...Блин, вот это я вырубилась!.. И чего теперь делать всю ночь – спать я больше не хочу. Пошарить в Интернете, пока отец не забрал ноутбук?..

Воспоминание об отце мгновенно уничтожило всю благодность момента. ...Лучше б вообще не просыпаться!.. Но утром-то все равно выходить... или что, ловить моменты, когда он будет на работе? Так это ж день, два; тем более, с его свободным графиком... но не буду я жить по его правилам! Не хочу!.. А другой вариант – только с балкона. Блин, ну, почему все так хреново?.. Хотя есть ещё вариант – разобраться со снами. Не просто ж так мне снилось, например, море? Мои сны ведь сбываются. Значит, и путь в тот город должен быть; надо его только найти...

Лена хотела повернуться на бок, но почувствовала, что не может – её руки и ноги были связаны. ...Блин, это чего, продолжение? То есть, я, типа, опять на даче Ника?.. Но разглядеть в лунном свете комнату она не смогла.

...Тогда отец разбудил меня; подождём, что теперь будет дальше. Как прикольно!.. В сравнении с тем, что её ожидало в реальности, любой виртуальный кошмар выглядел развлечением, и она принялась выстраивать фантазии, повернув голову к окну.

...Какой-то свет, вроде, не правильный. Может, я на другой планете? Хотя вряд ли, что мне там делать – я девушка сузубо земная. Все-таки я у Ника на даче... во! Утром же придет «строитель» и освободит меня!.. Он-то освободит,

а что дальше? Сон на этом закончится, потому что совместится с реальностью? Ведь куда я пойду без денег, без документов – только домой, а там... Нет, но тогда это совсем глупый сон, без начала, без конца, без смысла – ну, полежу я тут и что? Должно быть объяснение – как я сюда попала, зачем... или во сне не бывает объяснений?..

За окном послышался шум автомобилей. Лена открыла глаза – оказывается, уже рассвело. *...Сейчас, небось, начнут разгружать кирпичи. Надо крикнуть, а то разгрузят и уедут – что им в доме делать?..* Но тут скрипнула дверь, и Лена услышала голос, скорее всего, говоривший по мобильнику.

– Я на месте. Вошёл... нет, пока тихо... не волнуйтесь, если она здесь, сейчас найдём.

...Неужто за мной?.. А если похитители?.. – Лена замерла, забыв, что это всего лишь сон, и почти перестала дышать, зная, как скрипит кровать при каждом движении, — *только не убивайте!.. Только не убивайте!..* – заклинала она, будто совсем недавно не собиралась сделать это сама.

Дверь приоткрылась, и внутрь осторожно просунулась голова «строителя»; оглядев комнату, он остановил взгляд на кровати, и тут же дверь распахнулась, сильно ударившись о стену. «Строитель» появился целиком. В левой руке он держал телефон, а в правой... пистолет.

– Нашёл! – сообщил он радостно, – эти суки связали её и бросили... да, уже везу, – и глядя на Лену, спросил, –

ты как?

Она лишь слабо улыбнулась, хотя и догадывалась, что перед ней друг, а не враг.

– Все нормально, – спрятав пистолет, «строитель» достал нож, перерезал верёвки, – сейчас, девочка, поедem к папе, а то он уже с ума сходит.

– Нет! – хоть ноги затекли, Лена резко вскочила и кинулась к выходу, но за дверью натолкнулась на человека с автоматом, в маске; на его камуфляжной куртке значилось «ОМОН».

– Ты куда? – «строитель» поймал Лену за руку.

– Я не поеду к нему!.. Не надо, прошу вас!

Омовец продолжал стоять, как изваяние, а «строитель» покрутил пальцем у виска.

– У тебя с головой в порядке? Он весь город на уши поставил, чтоб спасти тебя; сам пулю получил!

– Какую пулю?..

– Обыкновенную! Калибра семь-шестьдесят два! А почему, думаешь, он не приехал сам? Слава богу, только плечо зацепило.

– И где он сейчас?

– В больнице. Пулю извлекли, так что не волнуйся, ничего страшного. Так ты едешь или тебя силой везти?

На слово «силой» оловец среагировал сразу, наведя ствол автомата, и Лена поспешно согласилась ехать. Правда, все, что говорил «строитель» абсолютно не вязалось с обра-

зом отца, способного «воевать» разве что за компьютером, да ещё бить привязанных к батарее девочек. ...*Но если он ранен, значит, ничего не сможет мне сделать!*.. Отца было совершенно не жаль, а потому она улыбнулась.

Из дома Лена вышла вместе со «строителем» и удивлённо остановилась. ...*Это ж не «Сады» и не дача Ника!*.. Вокруг был, хоть не частый, но настоящий лес. Она оглянулась и увидела поросшую мхом бревенчатую стену. Метрах в двадцати стояли два автомобиля – серебристая «Мазда» и микроавтобус цвета хаки; вокруг бродили несколько омоновцев.

– Спасибо, ребята! – «строитель» вскинул руку, – операция закончена. Колмыкову передайте, что я позвоню.

Омоновцы стали грузиться в автобус, а «строитель» повёл Лену к «Мазде».

– А где это мы? – спросила она.

– Кордон какой-то, – «строитель» ткнул в брелок, и «Мазда», пискнув, подмигнула фарами, – бандиты указали место, когда мои ребята трясли их.

– Ваши ребята?..

– Ну, а чьи же? Я этих отморозков раньше ОМОНа вычислил. Владимир Алексеевич позвонил в час ночи, а в три я их уже вычислил; у меня агентура работает.

Откуда у строителя агентура и кто такой Владимир Алексеевич, Лена не знала, но и уточнять не стала; она спросила гораздо более важную для себя вещь:

– Отец на меня ещё сильно злится?

– За что? – «строитель» распахнул перед Леной дверь, – в наше время похитить могут, кого угодно и откуда угодно; это твоя, скорее, не вина, а беда. Хотя, конечно, Лен, надо быть разборчивее в знакомствах. Потом расскажешь подробно, с кем общалась в клубе, что пила – надо ж найти уroda или уродку, кто накачал тебя дрянью.

...Пила четыре коктейля и «Мартини», с Ником, – чуть не выпалила она, но вовремя сообразила, что после этого уже была у Ника на даче, а, значит, речь идёт о каком-то другом случае, который она не помнит вообще.

«Мазда» развернулась и обогнав тронувшийся раньше микроавтобус, покатила по извилистой лесной дороге. «Строитель» открыл бардачок и указал на банку «Ягуара».

– Выпей, успокойся. Вроде, твой любимый напиток?

Лена удивлённо повернула голову, но «строитель», похоже, не шутил, и она взяла банку. *...Отец чего, проверяет меня? Да и пусть! Если у него прострелено плечо, что он мне сделает? Пусть он спас меня, но жить по его законам я не буду!..*

– Спасибо, – она сделала несколько глотков, и сразу наступила приятная расслабленность, – а сигаретки у вас нет?

– Возьми там же.

Лена достала пачку своих любимых «ESSE». *...Это что, «строитель» узнал и купил специально? Пачка-то новая. А у кого он мог узнать? Вика в Египте; у отца? Возможно – он же нашёл такие в моей сумочке. Блин, ничего не по-*

нимаю... Она затянулась. Голова приятно кружилась, и Лена умиротворённо откинулась на спинку сиденья.

Когда «Мазда» выползла на асфальт, «строитель» прибавил газ. Навстречу катился поток машин; причём, Лена обратила внимание, что номера на них сплошь московские.

– Мы что, в Москве? – она повернулась так, чтоб видеть реакцию водителя – тот усмехнулся.

– Не в Стамбуле же. Оттуда выручать тебя было б сложнее.

– Меня хотели продать в бордель? – догадалась Лена.

– Мало ли кто чего хотел? Забудь все, как кошмарный сон.

Лена уже собиралась спросить, как она попала в Москву, но последняя фраза все расставила по местам. ...*Тьфу, блин! Это же сон! Какая ж я дура!..*

Докурив и допив коктейль, она прикрыла глаза, поэтому не видела, как впереди возникли белые многоэтажки, постепенно занявшие все видимое пространство...

– ...Приехали.

– А?.. – Лена встрепенулась; испуганно открыла глаза.

Машина находилась на стоянке, отделённой красивой кованой оградой от уютного скверика с лавочками и красноватыми дорожками; хотя мест на ней было не больше трёх, у ворот, возле шлагбаума, дежурили аж два охранника, вооружённых настоящими автоматами. Из двухэтажного здания с колоннами, больше напоминавшего старинный особняк, в скверик вели высокие массивные двери.

– Это больница? – удивилась Лена, ездившая на занятия

мимо серых семиэтажных корпусов с рядами бесчисленных окон, закрытых одинаковыми белыми шторками.

– Конечно, – «строитель» кивнул, а потом, вникнув в суть вопроса, весело взглянул на Лену, – или ты считаешь, что твой отец станет лежать в палате с вонючей старухой в рваном халате?

– Нет, не считаю...

При этом Лена считала именно так, а ещё подумала, что ж за великую статью он написал, чтоб жизнь его так кардинально поменялась, но тут же осадила себя: *...Это сон! Никак не привыкну, что он такой реальный! Конечно, во сне возможны любые чудеса!..*

– А где мама? – спросила она, проверяя гипотезу, насчёт чудес, и готовая ко всему, но полученный ответ не предвидела даже её богатая фантазия.

– Наверное, в своей Праге, а что? Вы ж разругалась в хлам ещё на суде, когда они делили тебя. Чего это ты её вспомнила?

– И давно они развелись?

– Уже лет пять. Слушай, Лен, у тебя что-то с памятью? Похоже, сильную штуку тебе подсыпали в клубе. Давай, заодно и тебя покажем врачам – специалисты тут шикарные.

– Нет-нет! Всё само пройдёт! – Лена испугалась, что её разоблачат и выгонят из начавшейся увлекательной сказки, – вы, вот, сказали, и я сразу все вспомнила, правда!

– Ладно, как хочешь, – «строитель» открыл дверцу, –

идём.

Вместе они вошли в холл, где по стенам вился, то ли плющ, то ли лианы – это было красиво и больше напоминало оранжерею. Из двери, скрытой в зелени, навстречу им вышла симпатичная девушка в потрясающе коротком халатике.

– Привет, Катюш, – улыбнулся «строитель», – как тут наш больной? Выздоровливает?

– Похоже на то, Николай Андреевич. Попросил виски.

– Тогда, точно, выздоравливает, – «строитель» засмеялся.

– А это дочка Владимира Алексеевича, да? – девушка смерила Лену оценивающим взглядом.

...Значит, во сне моего отца зовут не Александр Дмитриевич, – догадалась Лена, – прикольно. Владимир Алексеевич... блин, что-то знакомое...

– Кать, ты помнишь историю любопытной Варвары? – «строитель» прищурился.

– Не надо мой славный носик, – девушка игриво прикрыла его ладошкой, – Николай Андреевич, я ж просто спросила!

– Не надо, Катюш, даже просто спрашивать то, что тебя не касается. Ты поняла?

– Простите, Николай Андреевич, больше не повторится, – девушка исчезла, а «строитель» повернулся к Лене.

– Зачем, вот, ей знать, кто ты такая? Хоть девки здесь, вроде, проверенные, но перекупить-то можно кого угодно.

– А что страшного, если она узнает, кто я? – удивилась Лена.

– Не знаю, – «строитель» пожал плечами, – но чем меньше люди получают информации, тем спокойнее жить – это главное правило безопасности. Эх, Леночка, ты не представляешь, сколько нервов мне стоит, чтоб твой отец был ещё жив!

...Блин, это ж он там был строителем, а во сне – главный секьюрити! А кто ж тогда здесь мой отец?.. Но придумать варианты Лена не успела, потому что на лестнице появился мужчина в халате с бейджиком «Врач Сергей Холлов».

– Как там, Серёж? – остановил его бывший строитель.

– Пару дней полежит, и отпустим, – врач пошёл дальше, а бывший строитель повёл Лену на второй этаж.

Коридор оказался красиво отделан темным деревом; с потолка лился мягкий свет, гармонируя с неброскими пейзажами на стенах. У каждой из восьми одинаковых дверей стоял стул (видимо, для охраны), но ни одного охранника не было.

– Классно тут, – заметила Лена, оглядываясь по сторонам.

– Если б ты ещё знала, какие люди тут иногда лежат!..

Они подошли к двери, и бывший строитель постучал.

– Войдите! – послышалось из палаты.

– Доставил в целости и сохранности, – объявил бывший строитель прямо с порога, – Лен, ты чего там стоишь?

Лена вошла с замиранием сердца, ведь мало ли кого сумасшедшее подсознание могло назначить её отцом?

На широкой, совсем не похожей на больничную, кровати сидел... покупатель дач. ...Его фамилия, Ковалёв!.. – она

вспомнила совсем недавно полученную визитку. Только их встреча на Садах мелькнула в голове, как нечто постороннее, и тут же сознание прорезал яркий луч, выхватывая из лабиринтов памяти, вроде, незнакомые, а, вроде, и такие родные подробности. Это длилось секунды, но их оказалось достаточно, чтоб Лена заплакала и раскинув руки, бросилась к раненому.

– Папуля! – она плюхнулась на кровать и обняла его.

– Дочка, – Ковалёв поморщился, – потише – у меня ж рука...

Только тут Лена обратила внимание на бинты, охватывавшие плечо и часть предплечья.

– Прости, папуль, – она отстранилась, но чем дольше смотрела ему в лицо, тем уверенней признавала в Ковалёве отца. Это было очень странное ощущение, будто к ней действительно возвращалась память, причём, не так, как после четырёх «Ягуаров» с «Мартини», в сопровождении стыда и головной боли, а как-то светло и радостно.

– Ты-то сама как? Очень испугалась? – Ковалёв прижал её голову к здоровому плечу.

– Конечно. Но я знала, что ты меня спасёшь... – и тут Лена спросила такое, что ей, прежней, просто не могло прийти в голову, – пап, а зачем ты сам пошёл? Разве у тебя бойцов мало?

– Чего бойцы? Там ОМОН работал! – Ковалёв засмеялся, – а пошёл... я ж думал, ты там, а тебя уже успели пере-

везти.

– Папуля, – Лена снова обняла Ковалёва, только гораздо аккуратнее, – я так тебя люблю!

Бывший строитель кашлянул, привлекая к себе внимание.

– Владимир Алексеевич, я ещё нужен? А то хочу к ментам съездить – может, они выбили из этих козлов имя заказчика?

– Успеешь. Постой снаружи, – дождавшись, пока бывший строитель вышел, Ковалёв освободился из объятий, – никого менты не найдут. Это я сам должен разобраться, то ли так меня пытаются запугать, то ли просто схватили первую попавшуюся красивую девчонку, то ли... короче, вариантов много, и я думаю, пока ситуация не прояснится, из Москвы тебе лучше исчезнуть от греха подальше.

– Куда? – при этом Лена сама готова была и ответить: ... *К морю! В мой город!* – но почему-то не произнесла своего желания вслух, хотя помнила, что это сон, где возможно абсолютно все – даже существование несуществующего города.

– Есть у меня одно предложение, – но прежде, чем его озвучить, Ковалёв встал, открыл окно и закурил, задумчиво глядя на улицу, откуда стал отчётливо слышен гул автомобилей.

Лене тоже захотелось курить, но опыт «прошлой жизни» ещё напоминал о себе, поэтому, на всякий случай, она решила потерпеть. Пауза затягивалась, и в это время где-то совсем рядом завывала сигнализация. Лене показалось, что звук

врезался в сознание жгучей болью, а в следующее мгновение она увидела свою комнату; правда, сигнализация за окном продолжала выть абсолютно тем же голосом.

...Какое предложение? — эта мысль, поддерживавшая связь со сном, скоро потускнела, — да никаких предложений нет! Есть запертая дверь, за которой ждёт настоящий отец...

На улице во всю светило солнце, но настроение сразу сделалось черней тучи. *...Ненавижу!* — в сердцах подумала Лена, — *почему нельзя, как медведь, впасть в спячку?!..* — она взглянула на часы, — *одиннадцать. Матери, точно, уже нет, а этот урод?.. Блин, вот если б моим отцом, правда, был Ковалёв! Во, класс! А такой отец, как этот, мне не нужен!..*

Встав, она увидела на полу листок, который подсунули под дверь; на нем была лишь одна строчка, написанная отцовским почерком: «Проснёшься, позвони». Лена усмехнулась. *...А, вот, хрен тебе!.. Не дождёшься!..*

Она безбоязненно открыла дверь и заскочила в туалет; потом перебежала в ванную, на кухню. В холодильнике мать оставила бутерброды. *...Жрите сами свою ветчину. Ничего мне от вас не нужно!..* Фрукты, правда, почему-то не попадали в категорию «ничего», и Лена, без угрызений совести, взяла три яблока и два банана, после чего скрылась в комнате, и повернув стопор замка, снова почувствовала себя в безопасности.

Откусила яблоко. *...Только дальше-то что?..* Вопрос

был чрезвычайно важным; возможно, даже вопросом жизни и смерти, но своенравное сознание не хотело его решать, уносясь в непредсказуемые перипетии сна, где осталась более интересная интрига – что за предложение приготовил ей «новый отец».

...Будь, что будет! – Лена посмотрела на запертую дверь, – *конечно, навечно она не спасёт – не завтра, так послезавтра отец останется на целый день дома... а тогда и буду думать!..*

С радостью, что приняла нужное решение, она попыталась мысленно вернуться в палату виртуальной больницы, но слишком плохо знала нового отца, чтоб угадать его предложение.

...Надо снова заснуть – надо ещё снотворного. Хоть бы Светка была дома!.. – постучав кулаком в стену, она вышла на балкон и услышала, как у соседей двигают стул, а потом появилась сама хозяйка комнаты.

– Привет. Чего случилось? Вроде, у вас было тихо.

– Да все классно, – Лена улыбнулась.

– Кстати, – Светка сразу успокоилась, – я сказала всем девкам, что наврала про тебя. Типа, прикололась, но ты все узнала, поймала меня...

– Да хватит тебе! – Лена махнула рукой; на какой-то миг ей даже показалось, что все то, о чём говорит Светка – сон, а ей же надо поскорее вернуться в реальность! – дай ещё таблетку, а?

– Зачем? Это вечером, когда твои вернутся. Лен, ты точно на меня больше не сердишься? Я девкам ещё сказала...

– Мне плевать, что ты им сказала! Таблетку дай – отец же может вернуться в любой момент, так что пусть будет под рукой.

– Да? – Светка почесала затылок, – ну, ладно.

– А лучше притащи сразу штук пять!

– Не, – предусмотрительная Светка покачала головой, – вдруг он все-таки начнёт тебя лупить, а ты заглотишь их оптом и помрёшь – это получится, я тебя, типа, отравила, и меня отправят в колонию. Лучше буду по одной выдавать.

– Давай хоть одну, – Лена вздохнула. Травиться она не собиралась (по крайней мере до тех пор, пока ей продолжает сниться замечательный сон), но не объяснять же это Светке? *...Решишь ещё, что от таблеток у меня крышу сносит, и вообще перестанет носить...*

Сбегала Светка быстро.

– Держи. Приятных сновидений.

...Вот это в точку! — Лена засмеялась.

– Светка, я тебя люблю. Сейчас у меня все наладится, и я тебя тоже не забуду, честно! – это был совершенно искренний порыв души, хотя наладиться все могло только во сне, куда нельзя перетащить человека по собственному желанию.

– Да ладно, – Светка покраснела от смущения, – ты, главное, меня отцу не сдавай, а сейчас, извини, меня Сашка ждёт.

– Дурочка, никому я тебя не сдам. Беги к своему Саш-

ке, – Лена с радостью вернулась в комнату и проглотив таблетку, залезла в постель. ...*Только б вернуться в больницу, а то начнёт сниться всякая хрень, и останусь я...*

... – Понимаешь, – затушив сигарету, Ковалёв прикрыл окно и повернулся к Лене, продолжавшей сидеть на диване, – когда меня подстрелили, я вдруг осознал, что несмотря на все предосторожности, меня могут запросто убить. И что тогда?.. Ну, когда меня не станет...

– Папуль, не говори так! – Ленино сердце сжалось совершенно реально, будто это был вовсе и не сон.

– Леночка, девочка моя, – Ковалёв погладил её по голове здоровой рукой, – не уподобляйся дуракам, которые смотрят вперёд не дальше одного шага. Ведь оттого, что мы не будем об этом говорить, в жизни-то ничего не изменится и что должно произойти, обязательно произойдёт. Я не собираюсь умирать, но готовым к этому надо быть всегда. Ты согласна?

– Да, – Лена смотрела на него с восторгом.

– Хотя в твоём возрасте можно об этом пока не думать. А, знаешь, почему? Потому у тебя, кроме твоей собственной жизни, ничего нет. Ты ещё не создала ничего такого, о чём стоило б позаботиться заранее – ни семьи, ни состояния, а у меня есть ты, несколько десятков миллионов долларов, дома, яхта, куча незавершённых проектов, в которые уже вложены большие деньги. Понимаешь, к чему я клоню?

– Нет, – Лена абсолютно искренне покачала головой.

– А к тому, что все это останется тебе. И, вот, меня вол-

нует, что ты тогда будешь делать? Ты ж должна хоть что-то во всем этом понимать, чтоб через год не остаться голой и босой. А для этого, знаешь, что главное?

Лена снова покачала головой.

– Все специальные знания – дело наживное, а главное – разбираться в людях, уметь с ними работать, создать стоящую команду. Ты же в людях, похоже, не разбираешься, иначе б не допустила к себе мразь, которая тебя траванула. Значит, этому придётся учиться. И начинать с малого, причём, желательно, чтоб я не прикрывал тебя авторитетом. Самой, понимаешь?

– Не очень...

– Сейчас объясню. Но если ты откажешься, я не обижусь... хотя и расстроюсь. Тогда я готов отправить тебя в какую-нибудь экзотическую страну, чтоб ты отдохнула от пережитого, пока я тут разберусь... Но лучше... короче, есть один городок; недалеко, километров шестьсот. Приглянулся мне там изрядный кусок земли. Сейчас на нем стоят заброшенные с прошлого века дачи...

У Лены даже рот открылся от удивления; она чуть не ляпнула название города, но вовремя сообразила, что дочь Ковалёва не может обладать такими знаниями.

– Что с тобой? – Ковалёв засмеялся, – не пугайся. Я просто хочу к тому времени, когда меня все-таки грохнут, сделать из тебя, как это модно говорить, бизнес-вумэн. Так вот, к делу – участки приватизированы, и их придётся скупать

у десятков собственников; чем больше, тем лучше. Список собственников с реальными адресами я дам, а тебе надо будет поехать туда и договариваться. Люди абсолютно разные – кого-то можно заинтересовать перспективой, кого-то надо уговорить, кого-то даже запугать. Это будет тебе психологический тест на знание людей и умение общаться. В качестве подтверждения результатов своей работы, возьми с них расписки, что они обязуются продать участок по такой-то цене – вилку цен я тебе тоже дам. В принципе, такая расписка не юридический документ – по закону нельзя заставить человека продать свою собственность, даже имея официально подписанное намерение, но дальше будут уже работать мои «юристы». Рот-то закрой! – Ковалёв снова засмеялся, и Лена представила, как, наверное, глупо выглядит; облизнула высушенные губы.

– Папуль... – в голове творилась такая сумятица, что слов не находилось; то есть, никаких слов вообще!

– Подумай до завтра, – очень вовремя предложил Ковалёв, – машину твою мы от клуба отогнали; она дома...

...Блин, у меня есть и машина! – сознание мгновенно включилось, потому что иметь машину было её давней, но несбыточной мечтой, – *и, небось, крутая! Не «Лада Калина»!..*

– ...поэтому Николай сейчас тебя отвезёт; дома посмотришь документы, а завтра дашь ответ, лады?

– Да, папуль, – Лена обняла Ковалёва, но аккуратно, чтоб

не задеть раненое плечо, – я тебя люблю!

– Я тебя тоже люблю, потому и забочусь о твоём будущем. А то обдерут мою глупую девочку, как липку, и останется она без ничего. Поплачет, поплачет и с горя найдёт себе какого-нибудь отморозка; выйдет за него замуж и чтоб кое-как выжить, пойдёт торговать в ларёк. Муж будет пить и гулять, а она стирать и варить ему макароны, и вспоминать, как могла б жить...

Это был удар страшной разрушительной силы. Лена вдруг подумала, что ей совершенно не хочется отдыхать на море. ...*Это ж не в вузе учиться, который неизвестно, что даст в итоге – это настоящая свобода!.. Блин, но это же сон!* – вспомнила она, – *чему я радуюсь, дура?..* – однако настроение испортилось лишь на секунду, – *да, сон! Но пока я живу в нем, я должна получить здесь все, что могу! Не хватало, чтоб и сны у меня были ужасными, как моя жизнь!..*

– Пап, я уже подумала – я еду отбирать твои участки, – она так и сказала «отбирать», а не «договариваться» или «покупать».

– Ленка, – Ковалёв прижал её здоровой рукой, – я всегда знал, что ты истинная моя дочь! Николай! Зайди!

Бывший строитель появился мгновенно. ...*Небось, сука, подслушивал. ...А купить можно любого,* – вспомнила Лена, – *надо будет потом проверить его самого,* – но оставила эту мысль при себе, сделав лишь крошечную зарубку в памяти.

– Коль, отвези Лену домой и отдай ей материалы по Садам.

– Зачем?

– Затем, что завтра она едет отрабатывать этот вопрос.

– Она?.. – Николай изумлённо ткнул в Лену пальцем, – сама?

– Да, она и сама! Знаешь ведь, как учат плавать? Бросают на глубину и вперёд! – Ковалёв вскинул руку, видя, что бывший строитель хочет что-то спросить, – и никого посылать с ней не надо! Я всё сказал. Выполняй!

– Слушаюсь, – Николай растерянно пожал плечами.

– Дерзай, – Ковалёв поцеловал Лену, – завтра заедешь – дам тебе последние вводные.

До машины они дошли молча, и только оказавшись в закрытом пространстве салона, Николай спросил:

– Решила заняться бизнесом? Развлекаться надоело?

– Если бы! – Лена усмехнулась, – развлекаться никогда не надоедает, но отец сказал – если откажешься, я расстроюсь.

– Понятно, – Николай завёл двигатель, – когда он расстраивается, кому-то это всегда выходит боком, – и замолчал, потому что одно дело болтать с юной дочкой босса, и совсем другое, беседовать с человеком, который находится в Системе и, возможно, скоро окажется в ней не на последних ролях.

Ехали они долго, и Лена с интересом разглядывала Москву. Впечатление складывалось двойственное: с одной сторо-

ны, она никогда не каталась по Москве просто так, а лишь смутно помнила дорогу с Павелецкого вокзала до «Домодедово», откуда с родителями летала в Турцию; с другой стороны, всё, вроде, было удивительно знакомо. ...*Так правильно – в сне-то я москвичка и наверняка тысячу раз проезжала здесь. Тем более, у меня есть машина... ага, только водить я не умею... или умею? В сне я ж совсем другая. О, было б классно, если б все это происходило на самом деле!.. Но, к сожалению, так не бывает – реальности не могут поменяться местами...*

– Лен, – Николай повернулся к пассажирке, – как я понял, завтра ты уезжаешь, и это хорошо – мы тут пока разберёмся с твоим похищением, но сегодня за тобой ещё лучше приглядеть. Скажи, пожалуйста, на вечер какие планы?

Лена подумала, что такой контроль гораздо приятнее обещанного её настоящим отцом.

– Планы? – она достала сигарету, – изучать документы.

– То есть ты дома? Все, тогда вопрос снимается. Кстати, – вспомнил Николай, – поезжай-ка, наверное, на своём старом «Форде» – не стоит рисоваться в кабриолете; только лишнее внимание будешь привлекать.

...*Блин, так у меня кабриолет! Это ж голубая мечта! Небось, двухместный, спортивный!..* Но вслух она сказала:

– Ежу понятно, что на «Форде».

Наконец они остановились перед воротами, за которым виделся двухэтажный дом с мезонином, но без привычных

новорусских башенок и прочей показной роскоши. Все было просто, но внушало уважение массивной монументальностью.

– Пойдём, отдам тебе бумаги.

Оставив машину под зорким оком камеры наблюдения, они вошли в калитку. Лена увидела ровный газон с аккуратными дорожками, «альпийскую горку», по которой в маленький бассейн, бежал прозрачный ручеёк.

– Класс!..

– Что? – шедший впереди Николай обернулся.

– Это я так, сама с собой, – Лена подумала: *...Дура, я ведь живу здесь!.. Нашла, чем восхищаться!..*

Войдя в незапертую дверь, они оказались в просторном холле с гладкими белыми стенами, на которых висели картины. *...Блин, прям, музей! Я так и представляла жилище богачей!..*

Но рассмотреть их Николай не дал, сказав:

– Иди к себе, а я сейчас все принесу.

...И куда это, к себе? – растерялась Лена, но ноги сами повели её к лестнице. Доверившись условным рефлексам, она поднялась на второй этаж, через коридор вышла к другой лестнице и поднявшись ещё на пролёт, оказалась на площадке с одной-единственной дверью – тут ошибиться было невозможно.

Открыв её, Лена сразу почувствовала себя дома. Вернее, не так – не дома, а в доме своей мечты; именно, в таких апар-

таментах ей хотелось бы когда-нибудь жить. В реальности это, естественно, было невозможно, но в сне-то! Почему б и нет?

Часть апартаментов занимала спальня с широкой мягкой кроватью, зеркалами, резным комодом и прочими атрибутами из модных журналов; раздвижная дверь разделяла спальню с гостиной, где стоял полукруглый диван, висел на стене огромный плоский телевизор; ещё было отгорожено некое подобие кабинета с рабочим столом... Лена ещё не закончила осмотр, когда в дверь постучали.

– Да-да, войдите! – крикнула она, но войти Николай не стал, а с порога протянул папку.

– Вот, возьми. Здесь все, а я уехал. Надумаешь выйти в город, позвони.

– А где мой телефон? – спохватилась Лена.

– Черт!.. – Николай поморщился, – вот, телефона у этих уродов мы не нашли. Придётся купить новый.

– А база, блин? Там же все подруги...

– Лен, уж подруг своих соберёшь – все вы в одном клубе тусуетесь, так ведь?

– Ну, там ещё были нужные телефоны...

– И чьи же? – Николай усмехнулся, – продюсера, который обещал тебе снять клип? Он у Владимира Алексеевича есть – бабки-то кто платит?

...Я ещё и в клипе снимаюсь!.. Не хочу просыпаться! Я хочу остаться здесь навсегда!..

– Ладно, – Николай посмотрел на часы, – поехали, купим телефон; заодно, вобью все, действительно, нужные номера, а потом привезу тебя обратно.

– Обратно не надо, – попросила Лена, – на такси доберусь. Что ж мне теперь, вообще на люди одной не выходить?

– Лучше не выходить – оно спокойнее.

– Не надо из меня куклу делать! – Лена решила даже повысить голос, – значит, ехать одна черти куда я могу, а средь бела дня гулять по Москве, нет?

– Ладно, по ходу дела решим, а то менты уже заждались.

– Тем более. Чего вы будете время терять – возить меня туда-сюда, – зачем она выдвинула ящик комода, Лена и сама поняла, только когда уже сделала это – справа там лежали паспорта, российский и заграничный, водительские права, а слева, толстая пачка пятитысячных купюр, точно такая, как была в руках матери, когда та выдавала ей «пособие». Лена взяла несколько бумажек, паспорт, и сунула в карман.

Картины в холле Лену уже не привлекли, являясь частью знакомого интерьера, а, вот, определиться с новым телефоном – это была реальная задача, требовавшая решения.

Конечно, она уговорила Николая «не нянчиться» с ней, а ехать к ментам; сама же, с новеньким аппаратом за двадцать восемь штук, отправилась гулять. Если б она вспомнила хоть чей-нибудь номер, то, конечно б, позвонила, но, кроме Вики, ничто не приходило в голову, а Вика находилась

в Египте. ...*Блин, не в Египте, а в другой жизни!..* – сообразила она, – *интересно, какие у меня здесь подружки? Небось, все девки крутые – не наскребают на «Ягуара»; да и клубешник у нас, поди, не чета «Отвёртке». Сегодня надо заняться делами, а, как вернусь из «командировки», сразу туда!..*

Она перекусила в «Макдональдсе», покурила, зашла в несколько бутиков, прикидывая, что б хотела иметь из представленного там изобилия, но вдруг подумала: ...*Я ж ещё не знаю, что у меня есть! Там шмотья, небось!..* Эта мысль погнала её домой гораздо эффективнее, чем оставшиеся там документы.

Когда Лена вернулась, внизу её встретила девушка; высокая, длинноногая, в платице, похожем на униформу.

– Елена Владимировна, со счастливым возвращением, – девушка улыбнулась, – кушать будете? Валентина приготовила вашу любимую брокколи в соусе...

– Нет, спасибо, – перебила Лена, – я в городе поела.

– Как скажете, – девушка ушла, а Лена направилась к себе.

...*У отца-то губа не дура – что сестрички в больнице, что горничные. Трахает их, небось... и правильно! И никто не может ему этого запретить!..* – решила она с гордостью.

Прикрыла за собой дверь и огляделась в поисках гардероба. ...*Блин, чего я? Это ж там у меня десяток вешалок в шкафу, а тут должна быть комната, как я всегда мечтала – как в американских фильмах!..* Правда, сначала она попала в ванную с туалетом, и лишь потом увидела в спальне непри-

метную дверь.

Два часа бесконечного восторга не поддавались словесному выражению – здесь было все, чего только может пожелать современная девушка, и восторг этот мог бы продолжаться дальше, хоть до утра, если б...

...До завтра ж надо разобраться с этими чёртовыми бумагами!.. А то, правда, отец обидится – не знаю, чем это чревато, но ничего хорошего, точно... Устроившись на замечательной постели, она вспомнила, как с таким же настроением совсем недавно приступала к изучению истории. ... Нет, то была не я! Конечно, и здесь я где-то учись, но, небось, в ГИТИСе или, на худой конец, в МГИМО, а не во всяком отстое... ладно, до первого сентября разберёмся, а пока...

Лена открыла папку и принялась медленно листать Законы, регламентирующие земельные отношения, всякие Постановления, Решения, Программы и подпрограммы различных структур. Одно обилие жутко серьёзных бланков и красивых размашистых подписей приводило в трепет. *...Это все надо знать и пользоваться?!..* Лена попыталась вникнуть в суть, но запутавшись уже на десятой странице; вышла на балкон с сигаретой и после первой же затяжки родилась спасительная мысль: *...Блин, для этого ж есть юристы, а мне надо убалтывать конкретных людей, и всё!..*

Быстро докурив, она вернулась и на самом дне папки обнаружила флэшку; воткнула её в ноутбук. *...Во! То, что на-*

до! – на экране открылись списки людей с адресами и телефонами, номерами участков по какому-то кадастру; перепрыгнула на последнюю страницу, – *ни фиги себе! Почти триста пятьдесят человек!.. Хотя Ник что-то похожее и говорил... Столько я, конечно, не объеду, но главное, начать, и лучше – ещё здесь составить маршруты, а то буду метаться, как дура...*

Задача сразу сделалась простой и понятной. Распечатав карту своего города, Лена принялась наносить адреса с помощью красных точек, и самое интересное – работа реально увлекла её!

За окном давно стемнело, когда она победно вскинула голову. ...*Сто штук есть!* — Лена вышла на балкон, – *что-то я устала. Для начала, наверное, хватит. Сейчас бы «Ягуара»!* Эх, не догадалась купить... *а, может, у меня тут где-то что-то заныкано, типа, на «чёрный день»?.. Только, вот, где?..* Лена заглянула в прикроватную тумбочку, открыла ящики комода, но ничего не нашла.

...Ну и ладно; тем более, завтра, вроде, за руль, а с учётом того, что я никогда не водила машину, куда уж тут ещё и бухать... Вернулась на балкон, села на мягкий пуфик и закурив, уставилась на далёкие огни супермногоэтажек, незаметно переходившие в звёздные россыпи. ...*Вот это называется, жизнь! А то, что было раньше – полное говно...*

Потом она приняла душ, сквозь прозрачную стенку каби-

ны разглядывая джакузи и представляя, как лежит там. ... *Надо побыстрее собрать эти чёртовы расписки и вернуться... куда вернуться? Это же сон!..* Лена чуть не разревелась, но вспомнила, что раз Светка говорила про полный пузрёк таблеток, значит, такая жизнь ещё будет продолжаться.

...А потом видно будет... Она залезла в чистую постель, пахнувшую ароматом любимого пиона, и закрыла глаза. Тишина, царившая в доме, поглотила её, а ещё через минуту откуда-то возник мерный плеск волн.

Лена увидела не только море, знакомое по компьютерной заставке, а почувствовала лёгкое покачивание; да и волны не выкатывались на песок (то совсем другой звук), а бились...

...Это ж яхта! – сообразила она, и сразу всё вокруг озарилось солнечным светом. Вдали возник «город мечты», до которого простиралось голубое море со стайкой дельфинов. Совсем рядом, на палубе, стояли шезлонги; в них загорали Вика со Светкой и ещё какие-то девушки. Вернее, «какими-то» они оставались всего секунду, а потом обрели имена, которые, правда, в данный момент Лене ни о чём не говорили, но она знала их! Из кают-компания слышались голоса мужчин и удары бильярдных шаров.

...Я ж никогда даже не бывала в бильярдной – откуда такая фантазия? – удивилась Лена, – *хотя это уже, типа, сон во сне! Полный пипец!..*

Официант в белом, обносил всех коктейлями и добравшись до Лены, спросил:

– Капитан просил узнать – мы возвращаемся или ещё нет?
...*Блин, получается, это моя яхта!..*

– Скажи, что возвращаемся, – она отослала официанта и тут подошла Светка, вмиг повзрослевшая лет до восемнадцати.

– Ой, Ленка, как у тебя тут классно! – от удовольствия она прищурилась, втянула через трубочку коктейль, – а твою виллу отсюда видно?

– Конечно, – Лена указала на берег, который стал медленно приближаться, – вон, вторая слева, с пляжем и стеклянной террасой. Сегодня устроим там классный сейшн.

– Клёво... – Светка вздохнула, – как ты так все смогла?..

– Началось все с «Садов»...

Вдруг с безоблачного неба ударил гром, от которого яхта вздрогнула; и гости, и экипаж мгновенно пропали, тёмная пелена скрыла город. Лена сжалась, в предчувствии жуткого шторма. Но очередной раскат внезапно превратился в голос.

– Елена! Ты слышишь? Открой немедленно дверь!

Прямо с палубы, миновав Москву, сознание вернуло Лену в девятиметровую комнатку со шкафом, столом и полочкой для учебников. Одна реальность в миг исчезла, и возникла другая, а Лена чувствовала себя между двух миров, не в силах сразу распознать, какой из них истинный.

– Саш, – послышался голос матери, – рано ещё. Пусть

спит.

– Она уже двое суток спит! Только фрукты из холодильника исчезают! Она думает, я буду с ней в прятки играть? Хорошо устроилась! Не удивлюсь, если, пока никого нет, она и на улицу выходит! Набрала, небось, бухла и сидит, кайфует!.. Ты тоже додумалась – денег ей дала!..

– Саша, но я ж не знала...

– Знать надо, что за дочь у тебя выросла! Значит так, Марин, пора этот балаган кончать. Мне сейчас, край, надо в редакцию, но к обеду я вернусь. Ты до обеда будь дома – ничего в твоём магазине не случится, а дочь надо воспитывать, поняла?

– Хорошо, Саш.

– Засранка! Характер она мне будет показывать! Нет бы в чем хорошем, а то, видишь ли, запретили ей пить, курить и ночам шляться! Слышишь, Елена! Вернусь – если сама не выйдешь, обещаю – так задницу разукрашу, что неделю потом не сядешь!

Шаги отца стали удаляться. Лена перевела дыхание и только сейчас поняла, что вся дрожит, а стука зубов не слышно лишь потому, что она инстинктивно сунула между ними язык.

Потом хлопнула дверь и послышался голос матери.

– Леночка, открой, дочка. Давай, просто поговорим спокойно – я ж не буду тебя бить. Пожалуйста...

Но Лена заткнула уши, чтоб не слышать эту лживую «пес-

ню Сирены». ...*Вот и кончилась сказка, – подумала она, имея в виду не сон, а жизнь в целом, – таблетки большие уже не спасут, и останется только прыжок с балкона...*

Да, мысль такая вернулась, но сон оказал своё действие – то, что она прочувствовала в той жизни, не оставило в ней места для маленькой девочки, которую можно наказывать за плохое поведение, а она будет плакать и просить прощения.

...Буду продолжать жить той жизнью! – решила она, – вот, что наметила, то и стану делать! Как я все это передам в Москву и кому, не важно, но я – та Лена! Та, а не эта!..

Допустим, просто я уже приехала сюда. Машина?.. Ну, допустим, я её стукнула, и она сейчас в ремонте. Я ж могу перемещаться и без неё. Я должна переехать в гостиницу и надо начинать работать!..

Лена прислушалась. Матери, видимо, надоело общаться с дверью, и она ушла, потому что на кухне звякнула ложка. *...Блин, принять бы душ, накраситься, да и жрать охота. Хоть бы Светка была дома!..*

Она осторожно постучала в стену, но никто не ответил. Стучать громче было нельзя из-за матери, поэтому выйдя на балкон, Лена заглянула за перегородку. Соседний балкон оказался открыт, но летом это ничего не значило – на шестом этаже никто не боялся воров.

...Даже если Светки нет – главное, чтоб не было этого козла, Юрия Ивановича. Без него я могу там и одна привести

себя в порядок, выйду и захлопну дверь. А если Юрий Иванович дома? Они, с отцом вместе, убьют меня... ну, и ладно – это то же самое, что прыгнуть с балкона...

Последняя мысль показалась всеобъемлюще ужасной, но картина самого «убийства» не складывалась – наверное, фантазия, во многом управлявшая поступками, не желала работать на негатив, и это придавало уверенности.

...Нет, я вернусь в свой сон! Это возможно! В жизни возможно все! Я ж смотрела по телеку – мысли материализуются, и Ромыч говорил, что сон – это реальность, которой просто пока ещё нет; значит, такая реальность, как во сне, у меня будет!..

Собирая в пакет самое необходимое, Лена открыла паспорт в глупой надежде увидеть там фамилию «Ковалёва», но чудеса случаются только в снах – как была она Коноплёвой, так и осталась. Вздохнув, Лена вернулась на балкон. ... *А если сорвусь?.. Ну и сорвусь, но по-отцовски жить не буду!..* И дело было уже не в конкретных запретах, а в чем-то другом, более глобальном, чего Лена пока не могла сформулировать.

Пакет она привязала к руке, чтоб освободить её; держась, как показывала Светка, перенесла сначала одну ногу, потом вторую. Если б она посмотрела вниз, то, возможно, руки её разжались, но Лена нашла силы не смотреть, поэтому даже не успела особо испугаться, когда уже почувствовала под ногами бетонный пол. Вот тогда она все-таки взглянула вниз,

и пришёл страх; но страх запоздалый, а внутри все ликовало – она ведь совершила подвиг, и теперь никто не посмеет назвать её маленькой девочкой!

Отодвинув штору, Лена заглянула внутрь – Светка ещё спала, уютно подсунув руку под щеку, и улыбалась во сне. На цыпочках Лена подошла к кровати.

– Свет, – погладила девочку по голове, – Свет, не бойся...

Светка открыла глаза. В первую секунду в них отразился ужас, потом удивление, но она не закричала.

– Не бойся, – Лена присела на кровать, – извини.

Светка зевнула и окончательно проснулась.

– Ну, ты даёшь! – она подвинулась, освобождая гостье побольше места, – опять за таблеткой?

– Нет. Слушай, твои предки дома?

– На работе. А что?

– Решила я валить. Можно у тебя помыться, накраситься?

И ещё дай чего-нибудь пожрать.

– Конечно! Сейчас! А куда валишь-то?

– Потом расскажу.

– Типа, чтоб я не выдала, если пытать будут? – Светка засмеялась; вскочив, натянула футболку с юбкой, лежавшие рядом, на стуле, – полотенце в ванной – зелёное, а я пожрать сделаю. Яичницу с помидорами и сыром будешь?

– Блин, ты чего, умеешь это готовить?

– А то б! Мать мне завтрак делала, когда я в первую смену ходила, а потом все – только сама.

– Класс. А я, вот, ни фига не умею, – Лена направилась в ванную, прикидывая, что кладут сначала, помидоры или яйца, но вопрос этот быстро утратил актуальность. Стоя под тёплыми струями, она принялась восстанавливать красные точки на карте и с радостью обнаружила, что, как минимум, двадцать продолжает держать в памяти, а ещё в десятке чуть сомневается.

...Все равно надо записать, – решила она и вдруг испугалась, – а если адреса – тоже моя фантазия? Если окажется, что никакого отношения к Садам эти люди не имеют? Во, облом!.. Нет, так не может быть! Не может, потому что... потому что все в том сне правда! И я буду так жить! И яхта у меня будет, и Светку я приглашу туда!.. Какая все-таки классная девчонка, а Вика, сука, загорает в своём Египте, и даже не позвонила...

Параллельно с едой, Лена писала адреса, а Светка молча наблюдала, пытаясь понять, чем она занимается, и когда та наконец отложила ручку, спросила:

– А жить ты где будешь?

– В гостинице.

– Клёво, – Светка мечтательно вздохнула, – я в гостинице один раз жила, когда с предками на юг ездили. Готовить не надо, убирать не надо, телек сто каналов показывает...

– Свет, – перебила Лена, – если все получится, ты не представляешь, как я тебя отблагодарю!

– Да ладно, – Светка покраснела от удовольствия, – по-

шли, провожу, а то вдруг твои предки во дворе дежурят.

Но во дворе никого подозрительного не оказалось. Выско-чив из подъезда, Лена на прощанье махнула рукой и тут же свернула за угол, скрывшись в соседнем дворе.

Она знала в городе пять гостиниц. Две были новыми и супердорогими; третья находилась возле центрального рынка и контингент там проживал соответствующий, а из двух оставшихся Лена выбрала самую старую, сохранившую ди-коватое название «Советская». Там не было ни танцпола, ни сауны, ни суши-бара – только с прежних времён сохранил-ся ресторан с громоздкой лепниной на потолке; зато в таком месте вероятность нарваться на знакомых была минималь-ной.

– Леночка, дочка, открой. Я покушать принесла – нель-зя ж целыми днями голодной сидеть. Не бойся – папы нету... Лен! Ну, хоть ответь! – дочь не отвечала, зато хлопнула вход-ная дверь; Марина тут же вышла в коридор, – Саш, что-то случилось. Она молчит, и в комнате ни звука. Надо что-то делать.

– Делать надо только одно, – муж не спеша снял туфли, – сейчас открою дверь и выволоку её оттуда. Я-то хотел, чтоб она сама одумалась, но, если так, значит, так.

Он прошёл в кладовку, где хранился инструмент, и взял массивную отвёртку.

– Я чувствую, что-то случилось... – Марина прижала руки

к груди, – вдруг она отравилась?..

– Не говори глупости, – отец приложил ухо к двери, – Лен, открывай! Все равно я войду, хочешь ты или нет! И вот тогда получишь по полной программе, слышишь?

За дверью было тихо, и Марина заплакала.

– Как я согласилась с тобой, дура? Она ж девочка гордая, а ты с ней так...

– Хватит нести ахинею! – отец вставил отвёртку в щель, нажал и чисто символический язычок замка выскочил из паза.

Он распахнул дверь – комната была пуста. Кинулся к постели с ворохом смятой одежды; зачем-то заглянул под кровать, хотя человек там просто не мог поместиться; открыл шкаф со сбившимися в одну сторону вешалками – больше в комнате прятаться было негде. Открыл ящик стола.

– Паспорта нет. А теперь объясни, как она сбежала? – он повернулся к жене.

– Не знаю...

– А я знаю! Ты выпустила её!

– Да нет же!

– Ох, я ей устрою! – он достал телефон.

Лена слышала вызов, но прочитав на дисплее «папа», отключила телефон, очередной раз нарушив договор; правда, после того, что она уже сделала, такая мелочь не имела значения. Да и не думала она об этом, так как ехала в данный момент уже по третьему адресу, а первые два оказались

правильными (!), и хозяева даже обрадовались, что смогут без хлопот избавиться от ненужной собственности за совсем неплохие деньги.

– Вне зоны, паршивка, – констатировал отец, пряча аппарат.

– Надо в милицию заявить.

– О чём? – отец усмехнулся, – она совершеннолетняя, и не пропала без вести, а осмысленно сбежала, забрав документы, вещи, деньги. В принципе, это её право.

– Это ты виноват!

– В чём? Что хотел сделать из неё человека?

– В том, что нельзя так девочек воспитывать!

– Да что ж о за категория такая особая – девочки! В тюрьму их сажают наравне с мужиками – это можно! А пороть ремнём нельзя, да?

– Саш, сажают преступниц! О чём ты говоришь?..

– Она и есть преступница! Против себя самой! Только не понимает, дура! А поймёт, когда поздно будет!

– Саш, а если через твою газету обратиться к ней?

– Думаешь, такие, как она, читают газеты? Да они б буквы давно забыли, если б не СМС! – видя, что Марина снова заплакала, муж обнял её, – слушай, ничего ужасного не произошло. Пусть попробует жить сама – может, оно даже к лучшему. Только я уверен – сейчас осядет у подруги, такой же алкашки и проститутки; за неделю пропьёт все деньги, и вернётся, как миленькая. Она ж ничего не умеет, ни к чему

не приспособлена; это сидя у нас на шее, кажется, что все в жизни легко и просто. Успокойся, Марин.

– Неделю, говоришь? – Марина подняла глаза, – да я за неделю с ума сойду!.. Вдруг её затащат в дурную компанию?..

– Вот это, кстати, возможно, – муж задумался, глядя всхлипывавшую жену по голове, – ладно, есть у меня знакомые менты. «Отвёртка» – это ж такой рассадник! Наверняка они там дежурят. А отмечать свободу она ж туда пойдёт – на большее ума не хватит. Вот, пусть заберут её...

– Только не бей её больше, ладно?

– То есть, пусть живёт, как жила? Пусть дальше катится по наклонной, да? Я люблю дочь и делаю, как лучше!.. Кстати, есть другой вариант – пусть подержат её пару дней в камере – хороший урок будет...

– Ты сдурел? – Марина испуганно вытерла слезы, – отправить девочку в тюрьму?

– Черт, выпороть её нельзя! Закрывать для острастки тоже нельзя! А что можно? Пальчиком грозить?.. Эх, прав Юрка, сосед – надо было её ещё в школе драть, а мы только оценки в дневнике видели и радовались!..

Этот разговор мог продолжаться ещё долго, не двигая ситуацию с места, поэтому отец прекратил его, перейдя к активным действиям. Он вытащил из рамки Ленину фотографию.

– Сейчас отвезу мужикам. Скажу, когда забирать будут,

чтоб шуму побольше устроили – может, стыдно станет. А домой привезут – посмотрим, что с ней делать. Ты ж пойми, вести душеспасительные беседы – пустая трата времени; она будет врать, как два дня назад. Ты её снова простишь и все заново...

– А ты чего добился? Что она из дома сбежала?

– Сбежала – вернём, – сунув ноги в туфли, отец вышел и в сердцах хлопнул дверью.

Часы показывали восемь – самое удобное время, когда работающие люди уже пришли домой, а на улице было ещё совсем светло; но Лена устала. ...*Блин, ноги аж гудят*, — она присела на остановке, — *дура, напялила каблучищи, чтоб целый день носиться по городу*, — пошевелила пальчиками, сжатыми ремешками босоножек, — *набегались, маленькие?* *А что делать, если хозяйка у вас такая глупая? Но теперь поздно – не поменяешь. Есть не хочу; да и никуда больше не хочу! Приму сейчас душ, сяду в номере и буду смотреть телек...*

Подошла маршрутка, и Лена с радостью заняла свободное место; достала из сумочки листки с расписками и, хотя знала, что их девять, все-таки пересчитала, испытывая законную гордость. ...*А отец считает меня маленькой девочкой, козлина... Не знаю, каким образом, но я им всем ещё докажу...*

Посвежевшая после душа, Лена устроилась перед телевизором, забравшись с ногами в удобное глубокое кресло. Вообще, номер, куда она поселилась, был уютным, однако по-домашнему, она себя не чувствовала. Наверное, причина заключалась в отсутствии мелочей, которые дома всегда находятся под рукой, но угнетало не это.

...Денег у меня шестнадцать штук, – думала Лена, глядя на музыкантов, отчаянно дёргавших гитарные струны, – номер стоит штуку двести; плюс надо есть, пить, курить, платить в транспорте... короче, выходит минимум две штуки на день. То есть, я смогу прожить тут неделю, а дальше?..

И тут ей стало страшно – за неделей разверзлась чёрная пропасть. Это, конечно, был не полный беспросвет, так как всегда оставался шанс вернуться к родителям и дальше жить в привычном мирке, только по новым правилам. Лена представила, как это будет, и чем больше добавляла в картину красок, тем отчётливее понимала, что домой не вернётся. Наконец нашлось и точное определение её настроению – дело было не в грядущем наказании и даже не в принципиальном неприятии новых правил, а в том, что сам «мирок» её больше не устраивал. Странный сон сбил прошлые ориентиры, и пусть он являлся лишь фантазией загнанного в угол подсознания, Лена так вжилась в эту фантазию, так явственно ощутила вкус другой жизни, что её такое, вроде, радостное прошлое скатилось до уровня «прозябания». А прозя-

бать она больше не желала.

...У меня неделя, чтоб вернуться... куда? В сон? Блин, но это ж откровенный бред! И даже если я соберу кучу расписок, что я буду с ними делать? Как можно перетащить материальные бумажки в сон? Да никак! И чего я тогда парюсь? Сейчас лягу, представлю их все триста пятьдесят, уже подписанных; представлю, как Ковалёв хвалит меня и отправляет отдыхать в Испанию... да, только в реальности денег осталось на неделю, а потом меня ждёт «любимый папочка» со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Лена обхватила голову, словно прессуя в единое целое разбежавшиеся мысли. Плакать не хотелось – хотелось решить задачу, ведь зачем-то ж ей стал сниться такой сон. ... *Ромыч говорил, что мозг во сне обладает даром предвидения! Значит, то, что снится, должно случиться... а кому оно это должно? Я ж могу и не использовать шанс, а пройти мимо...* Протянув руку, Лена извлекла из сумки купленную днём банку «Ягуара»; сделав пару глотков, достала сигарету.

Балкона в номере не было, поэтому она просто придвинула блюдце, заменявшее пепельницу. На экране резвились девочки, у которых все в жизни было хорошо и, главное, понятно; они стали раздражать, и Лена выключила телевизор. Подошла к окну, выходявшему на тихую, зелёную улицу.

Номер находился на третьем этаже, и до тополиных ве-

ток можно было дотянуться рукой – они скрывали дома на противоположной стороне, зато внизу хорошо просматривалась автомобильная стоянка и люди, не спеша двигавшиеся по тротуару. Все выглядело чинно и размеренно – наверное, отец хотел, чтоб и она жила так же. Всей душой протестуя против этого, Лена подумала: *...Ножки более-менее отдохнули – может, дёрнуть в «Отвёртку»? Там ночь пролетит быстро и весело... нет, только не туда – если отец будет искать, то именно там. А он, сука, будет!.. В принципе, здесь недалеко есть кафе – не знаю, как внутри, но внешне вполне симпатичное заведение... ага, и потрачу деньги... а я по скромному – ужинать же мне все-таки надо. Возьму салатик и коктейль – штуки, небось, хватит. Семь дней я тут проживу или шесть – не все ли равно, если не знаю, что делать дальше?..*

Блин, только это ж надо заново краситься... А сидеть тут одной и двинуться умом, лучше?.. Взяв косметичку, Лена направилась в ванную, так как другого зеркала в номере не было.

Спустившись на улицу, Лена остановилась прямо посреди тротуара. Раньше она сотни раз ходила здесь, но то, что теперь она жила в гостинице, делало её, вроде, гостем. Это было необъяснимо с точки зрения логики, тем не менее, она с интересом разглядывала враз сделавшиеся чужими дома, магазины, в которых, возможно, продавалось что-то инте-

ресное.

...Прикольно — когда в сне я попала в Москву, такого ощущения не возникло, а тут я родилась... это что ж получается? Может, мне это снится, а моя реальность все-таки там? О, классно было б!.. Взгляд сполз на ровный ряд автомобилей и замер — четвертой в ряду стояла серебристая «Мазда». ...Это ж машина Николая, шефа охраны Ковалёва! Он что, припёрся-таки за мной? Типа, проверить, как я работаю?.. Тогда я — молодец! Целый день пахала, как пчёлка! Вот, пусть доложит!.. Стоп! А почему номера местные?.. Кстати, я ж не глянула, какими они были в сне, наши или московские...

Лена заморожено разглядывала машину, пока подвыпивший парень не толкнул её; он, правда, извинился, но сон, готовый, было, окончательно смешаться с реальностью, отступил, оставив реальность в одиночестве, и Лена вздохнула. ...*Блин, о чём я? Да таких «Мазд» по стране бегают миллион! Точно, как говорят — тихо шифером шуриша, едет крыша, не спеша...*

Она пошла в сторону кафе, но несколько раз обернулась — «Мазда» не исчезла, хотя это ничего и не доказывало.

Звук колокольчика на двери говорил о типе заведения — в «Отвёртке», например, его б просто никто не услышал, а потому и не стал бы вешать. Здесь же зальчик был маленьким, с приглушенным светом; играла тихая музыка; даже десяток посетителей разговаривали и смеялись вполголоса.

...Сюда хорошо с парнем ходить, — подумала Лена, — а одной?.. Но и уходить сразу тоже как-то позорно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.